

М.Б. Елисеев

• БИТВА НА ЛИПИЦЕ •

Ратная история Руси

Михаил Елисеев

Битва на Липице

«ВЕЧЕ»

2017

Елисеев М. Б.

Битва на Липице / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Ратная история Руси)

ISBN 978-5-44-449153-9

После смерти Всеволода Большое Гнездо его сыновья сошлись в смертельной борьбе за великокняжеский стол, и это противостояние завершилось грандиозным побоищем на Липице в 1216 году. В этом конфликте, как в зеркале, отразились все проблемы средневековой Руси. Неумение близких родственников договориться между собой, желание одних представителей высшей элиты поживиться за счет других, безответственность правителей при принятии судьбоносных решений и безумная погоня князей за ратной славой. Совокупность всех приведенных выше причин и привела к жесточайшему кровопролитию на Авдовой горе. Битва на Липице стала наглядным примером бессмысленности и пагубности княжеских междоусобиц. В книге показана взаимосвязанность всех этих событий на Руси в начале XIII века. Большое внимание автор уделил военной истории Суздальской земли.

ISBN 978-5-44-449153-9

© Елисеев М. Б., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	6
1. Жизнь и смерть князя Романа Галицкого	8
2. Крестоносцы (1201–1202 гг.)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

М. Б. Елисеев

Битва на Липице

* * *

© Елисеев М. Б., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Предисловие

Временной отрезок от смерти Всеволода Большое Гнездо до вторжения орды Батые на Северо-Восточную Русь не нашел должного освещения в исторической литературе. Единственное, о чем обычно упоминают, это битва на реке Калке, произошедшая в 1223 году. Но данное сражение рассматривают только в контексте монгольского нашествия на Русь в 1237–1241 годах и не более. Между тем битве на Калке предшествовали интереснейшие события, из которых наиболее значительным была борьба за власть во Владимиро-Суздальской земле. После смерти Всеволода Большое Гнездо его сыновья сошлись в смертельной борьбе за великокняжеский стол, и это противостояние завершилось грандиозным побоищем на Липице в 1216 году.

В этом конфликте, как в зеркале, отразились все проблемы средневековой Руси. Неумение близких родственников договориться между собой, желание одних представителей высшей элиты поживиться за счет других, безответственность правителей при принятии судьбоносных решений и безумная погоня князей за ратной славой. Совокупность всех приведенных выше причин и привела к жесточайшему кровопролитию на Авдовой горе.

Другое дело, что битва на Липице не имела тех катастрофических последствий для Суздальской земли, какие ей обычно приписывают. Между битвой и нашествием Батые прошло двадцать лет, и за это время выросло целое поколение, которое и приняло на себя удар монгольской орды. Даже победитель в междоусобной войне, Константин Ростовский не сумел воспользоваться плодами победы и вскоре умер, оставив великое княжение брату Георгию. Круг замкнулся, поскольку именно с Георгием Константин вел жесточайшую борьбу за власть. Недаром битва на Липице является наглядным примером бессмысленности и пагубности княжеских междоусобиц.

В это же время Русь начинает вести борьбу против агрессии Запада в Прибалтийском регионе. Походы Мстислава Удатного и Владимира Псковского против крестоносцев были успешны с тактической точки зрения, но в стратегическом плане ничего не меняли. В отличие от германцев, русские действовали в Прибалтике бессистемно и непоследовательно. Поэтому, несмотря на отдельные успехи, не могли рассчитывать на конечную победу. Князья так и не сумели выработать единый комплекс мер, который бы остановил агрессию католиков в Прибалтике.

На восточных рубежах князя Северо-Восточной Руси добились значительных успехов в противостоянии с Волжской Болгарией. Поход князя Святослава Всеволодовича в 1220 году окончательно изменил ситуацию в регионе в пользу русских и создал предпосылки для дальнейшего продвижения на восток. В отличие от своих коллег на юге, князья Суздальской земли не были поставлены перед необходимостью борьбы с половецкой угрозой. Поэтому в их внешней политике преобладали северо-западное и восточное направления.

Что же касается Юго-Западной Руси, то я посчитал необходимым сделать краткий очерк жизни князя Романа Галицкого и показать, как он объединил под своей властью Галицкое и Волынское княжества. Чтобы было понятно, во имя чего его сын Даниил вел бескомпромиссную борьбу как с западными соседями, так и с русскими князьями. После смерти Романа Мстиславича в Юго-Западной Руси началась жесточайшая схватка за власть. Противоречия между князьями и местным боярством сплелись в один клубок, и страна на долгое время погрузилась в пучину смут и междоусобиц. Мало того, внутренние неурядицы осложнялись вмешательством внешних сил, поскольку венгерский король и польские князья решили воспользоваться резким ослаблением Галицко-Волынского княжества. По боль-

шому счету, Юго-Западная Русь оказалась на краю гибели, и лишь отчаянные усилия Мстислава Удатного и Даниила Галицкого спасли страну от порабощения иноземцами.

В данной работе я постарался показать взаимосвязанность всех этих событий. Но главное внимание уделю военной истории Суздальской земли, потому что именно она является тем фундаментом, на котором построено здание современной российской государственности.

1. Жизнь и смерть князя Романа Галицкого

*А ты, храбрый Роман, и Мстислав!
Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг.
Высоко летишь ты на подвиг в отваге,
точно сокол, на ветрах паря,
стремясь птицу в дерзости одолеть.
Ведь у ваших воинов
железные паворзи под шлемами латинскими.*

Слово о полку Игореве

В мае 1205 года от Рождества Христова князь Галицкий и Волынский Роман Мстиславич выступил в поход на Польшу. Этому предприятию князь придавал огромное значение, недаром в канун выступления на врага он произнес знаковые слова: *«Или над поляками победу одержу и покорю, или сам не возвращусь»*¹ (В. Н. Татищев, с. 612). Шансы на победу у Романа были неплохие, для этого он располагал всеми необходимыми средствами, а удача в последнее время сама шла к нему в руки. Другое дело, что путь князя к вершинам славы был тернист и труден.

Роман был правнуком старшего сына Владимира Мономаха, Мстислава, по какому-то недоразумению прозванного Великим. Ибо сей государственный деятель ничего великого в своей жизни не совершил, именно при нем начался распад единого централизованного государства на отдельные княжества. Зато дед Романа, князь Изяслав, был личностью действительно выдающейся. Изяслав не принял порочной системы наследования удела от брата к брату, а решил отстаивать право наследования по прямой линии. В обход своего дяди Юрия Долгорукого Изяслав занял Киев и до конца своих дней сражался за этот город. Он так и умер великим князем киевским, тем самым сохранив за своими потомками право на великое княжение. Изяслав был умным политиком и грамотным военачальником, оставившим по себе хорошую память среди киевлян.

Сын Изяслава и отец Романа Мстислав не обладал талантами родителя, он был неплохим воеводой, но посредственным государственным деятелем. И когда оказался на златом киевском столе, то умудрился переругаться со всеми соседями. Поэтому, когда могущественный Андрей Боголюбский двинул с северо-востока полки на Киев, Мстислав оказался в одиночестве. Битва за «мать городов русских» оказалась им проиграна, и князь ушел на Волынь. В дальнейшем он предпринял попытку вернуть Киев, но потерпел неудачу, вернулся во Владимир-Волынский и вскоре умер. Князем на Волыни стал его старший сын Роман.

Точная дата рождения будущего властелина Галицко-Волынского княжества неизвестна, предположительно это произошло в 1150–1152 гг. Матерью его была дочь польского князя Болеслава Кривоустого Агнешка, благодаря чему Роман с детства был тесно связан с польской правящей элитой. О его детских годах практически ничего неизвестно, за исключением невнятного свидетельства польского хрониста Винцентия Кадлубека о том, что княжич воспитывался при дворе князя Малой Польши Казимира Справедливого, своего дяди: *«Роман помнил, сколько благодеяний сделал ему Казимир, у которого он почти с колыбели воспитывался, да и на княжество, которым он [Роман] правил, его посадил Казимир»*²

¹ Здесь и далее – В. Н. Татищев по изданию: *Татищев В. Н. История Российская. Т. II, М.: Алгоритм, 2013.*

² Здесь и далее – «Хроника» Винцентия Кадлубека по изданию: «Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий».

(IV, 23). Скорее всего, Роман там оказался вместе со своим отцом, Мстиславом Изяславичем, бежавшим в Польшу после взятия Луцка полками Юрия Долгорукого. Случилось это а 1155 году. Другое дело, сколько времени Роман провел у своего дяди: достоверной информации об этом нет.

Со временем княжич начинает принимать активное участие в политической жизни Руси. В 1167 году его отец становится великим киевским князем и перед Романом открываются заманчивые перспективы. Но неумение отца договариваться с соседями очень быстро привело к череде вооруженных конфликтов, имевших для Мстислава трагические последствия. Как это ни покажется парадоксальным, но одной из причин его падения стал Роман.

В 1169 году молодой человек отправился княжить в Великий Новгород. Впрочем, решение о том, ехать или нет сыну на берега Волхова, принимал Мстислав, и именно на нем лежит вся ответственность за дальнейшую катастрофу. Князь демонстративно проигнорировал мнение остальных князей, имевших свои виды на Новгород, в том числе и властелина Северо-Восточной Руси Андрея Боголюбского. На эту ошибку Мстислава обратил внимание В. Н. Татищев: *«Он же, рассуждая, что Новгород издревле принадлежит великому князю и определить туда князя в его воле, не посоветовавшись о том с племянниками своими Ростиславичами, которые сильно оного держались, и не снесшись с Андреем, который также оного домогался, отпустил к ним сына своего Романа, который пришел в Новгород апреля 14 и принят с честью великою»* (с. 477). Об этом же пишет и Н. М. Карамзин: **«Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новгородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими»**³ (с. 191). Расплата за такое неосмотрительное поведение наступила быстро.

В 1169 году Андрей Боголюбский изгоняет из Киева Мстислава Изяславича, а в феврале 1170 года полки владими́ро-суздальского князя идут на Новгород. Таким образом, Роман становится участником знаменитой *«битвы новгородцев и суздальцев»*, легшей в основу популярного иконописного сюжета. В Новгородской I летописи старшего извода конкретно прописано, что Роман принимал участие в боях и вместе с дружиной преследовал разбитого врага. Впрочем, несмотря на эту победу, Мстиславу так и не удалось удержать за собой Новгород, поскольку уже на следующий год новгородцы изгнали Романа. Не сумев захватить вольный город силой, Андрей пошел другим путем. Суздальские дружины перекрыли пути подвоза хлеба в Новгород, и вскоре цены на продовольствие взлетели там до небес. Начался голод. В сложившейся ситуации новгородцы *«показали путь князю Роману»* и приняли в город ставленника Андрея Боголюбского, Рюрика Ростиславича. Человека, с которым судьба накрепко повяжет Романа, его будущего тестя и злейшего врага.

Молодой князь ушел во Владимир-Волынский и после смерти отца стал княжить на Волыни. Активности не проявлял, но внимательно следил за тем, что происходит в соседних землях. В частности, в Галиче. А там творились дела удивительные. Князь Ярослав Осмомысл, добившийся значительных успехов во внешней политике, полностью провалил политику внутреннюю. Личная жизнь Ярослава неожиданно привела его к конфликту с высшей аристократией Галицкого княжества, что в свою очередь спровоцировало череду заговоров и мятежей. Будучи женат на дочери Юрия Долгорукого Ольге, князь связался с некой попадьей Настасьей и стал открыто с ней сожительствовать. Мало того, своим преемником Ярослав видел не старшего сына Владимира, рожденного в законном браке, а Олега, матерью которого была Настасья. Ситуация в Галиче сложилась очень опасная, и Ольга была вынуждена бежать в Польшу.

³ Здесь и далее – Н. М. Карамзин по изданию: *Карамзин Н. М. История Государства Российского*. М.: Наука, 1991. Т. II–III.

Но местное боярство не желало видеть во главе княжества бастарда, и в Галиче вспыхнул мятеж, который Ярослав не сумел подавить. Настасью по воле бояр сожгли на костре, а князя заставили поклясться, что он будет жить с женой в мире. Ольга вернулась в Галич, но, как оказалось, ненадолго. Ярослав замирился с боярами и приложил максимум усилий, чтобы избавиться от постылой супруги. В 1172 году Ольга была вынуждена навсегда перебраться во Владимир-Суздальский, где княжил ее брат Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо. Сын и наследник Ярослава Владимир пытался бороться за свои права, но безуспешно и в итоге был выдан отцу. На некоторое время в Галиче воцарилась тишина, но проблемы, породившие смуту, остались, и со временем конфликт должен был вспыхнуть с новой силой, что и случилось в 1183 году.

Ипатьевская летопись не сообщает подробностей ссоры между отцом и сыном, а просто констатирует факт изгнания Владимира из Галича Ярославом. Просить политического убежища княжич отправился прямо к Роману Мстиславичу во Владимир-Волынский. Крепко задумался Роман. Ему очень не хотелось влезать в конфликт между отцом и сыном в тот момент, когда он был к этому не готов. Взвесив все за и против, князь отправил Владимира в Дорогобуж к князю Ингварю. Но Ингварь опасался Ярослава Осмомысла и спроводил незваного гостя в Смоленск. В итоге изгнанник оказался во Владимире-Суздальском, но и там долго не задержался. Конечным пунктом скитаний Владимира Ярославича оказался Путивль, где в то время княжил Игорь Святославич, будущий герой «Слова о полку Игореве». Здесь Владимир прожил два года, а затем Игорь помирил его с отцом. Вновь в Галицкой земле воцарилось спокойствие. Но никому и в голову не пришло, что совсем рядом притаился хищник, который лишь выжидает удобный момент, чтобы схватить добычу. Роман положил глаз на Галич, желая овладеть обширным и богатым княжеством. Но он не просто сидел сложа руки, а вел кропотливую работу по достижению своей цели.

Забавно, но дурной пример отца не пошел впрок Владимиру Ярославичу. Сын наступил на те же грабли и после смерти своей жены связался с попадьею, прижив от нее двух сыновей. Воистину яблоко от яблони. Вообще складывается впечатление, что Владимир взял от отца только самые плохие черты характера, а все хорошее досталось неизвестно кому. Тем не менее когда Владимир обратился к Роману с предложением выдать за одного из его незаконнорожденных сыновей свою дочь, волынский князь неожиданно согласился. Несмотря на то, что многим из князей это пришлось не по нраву. Но Роман знал, что делал, он решил любой ценой овладеть Галичем и ради этого был готов на любые жертвы.

В 1187 году умирает Ярослав Осмомысл, завещав Галич бастарду Олегу, прозванному в народе Настасьичем. Старшему сыну, Владимиру, достался Перемышль. Впрочем, при полной поддержке местного боярства Владимир Ярославич изгнал брата, а сам стал княжить в Галиче. Олег нашел приют в Овруче, у тестя Романа, князя Рюрика Ростиславича, и вскоре исчез со страниц русских летописей. Казалось бы, теперь у Владимира есть все шансы взяться за ум и явить себя миру достойным правителем, но не тут-то было. Получив власть, Владимир Ярославич пустился во все тяжкие.

Князь забросил государственные дела и регулярно уходил в запой, а его распутство стало притчей в языцах. Владимиру было мало попадьи, по его приказу доверенные люди хватили на улицах Галича подвернувшихся красавиц и тащили в княжеский терем. Все это переполнило чашу терпения местного боярства. Роман эти настроения аристократов уловил и стал засылать в Галич посланцев на переговоры с боярами. Пусть они изгонят Владимира, а призовут Романа, и уж он их тогда своей княжеской милостью не обидит. Зерна падали на благодатную почву, и в один прекрасный день в хоромы к Владимиру явились бояре и воеводы. И услышал князь от них очень неприятные вещи.

Потребовали бояре, чтобы помирился Владимир Ярославич со своим братом Олегом, поскольку боялись княжеской междоусобицы. А затем озвучили и основное требование:

пусть прогонит Владимир от себя попадью и возьмет себе жену княжеского рода. Весь расчет строился на том, что князь последнее требование откажется выполнить и тем самым спровоцирует открытый конфликт. Боярские дружины в боевой готовности стояли около Галича и в любой момент могли вступить в город. Но Владимир об этом не знал и продолжал упираться. И тогда представители местной элиты заявили князю, что раз он не хочет отпускать попадью, то с ней может случиться всякое. Владимир хорошо помнил, как бояре сожгли на костре любовницу отца. Понимая, что дело может плохо закончиться, он прихватил казну и ночью убежал из города вместе с семьей. Никто ему в этом не препятствовал, задержали лишь его сноху, дочь Романа. А на Волынь помчался гонец звать на княжение Романа Мстиславича.

И здесь Роман совершил глупость. Решив, что дело сделано, он отдал Владимир-Волынский брату Всеволоду, а сам умчался в Галич. Ему и в голову не могло прийти, что все еще только начинается.

* * *

Не имея на Руси никакой опоры, Владимир из Галича убежал в Венгрию и попросил о помощи короля Белу III. Король видел, что беглый князь как человек и государственный деятель являет собой пустое место, и решил повернуть ситуацию в свою пользу. Собрав большое войско, он выступил на Галич. Вместе с иноземной ратью шел и Владимир, при этом князя несколько не смущало, что за свою помощь угры запросят очень дорого. Но если бы он знал, как все обернется в действительности, наверное, никогда бы не стал связываться с венграми.

Хотя на первый взгляд для Владимира все складывалось удачно. Как только Роман Мстиславич узнал, что против него выступил венгерский король, то решил покинуть Галич. И дело не только в том, враг был силен. В самом Галиче было немало людей, сочувствующих Владимиру, и Роман не был уверен, что в сложившейся ситуации сумеет удержать город. Князь устремился в Польшу, решив противопоставить венграм поляков. Однако у Романа не заладилось, поскольку в данный момент местные князья были озабочены своими проблемами. И тогда князь отправился к своему тестю Рюрику Ростиславичу в Овруч. Родственники встретились в Белгороде.

Роман стал горячо убеждать Рюрика помочь ему вернуть Галич. Упирали на то, что сам он Галича не домогался, а его просто позвали туда княжить. Рюрик поразмышлял и решил помочь зятю, резонно полагая, что пусть уж лучше в Галиче княжит родственник, чем непутевый сын Ярослава Осмомысла. В помощь Роману Рюрик отправил своего сына Ростислава с полками. Мало того, князь Овруча вступил в переговоры с киевским князем Святославом Всеволодовичем, побуждая и его выступить в поход на Галич. Но ситуация на юго-западе Руси неожиданно резко обострилась.

Как только венгры вступили в Галич, Бела III заявил, что Владимир его обманул и не расплатился за помощь. Незадачливый князь был взят под стражу и вместе с попадьей отправлен в Венгрию, а в городе стал править сын короля Андраш. Дела призывали Белу домой, но он прекрасно понимал, что как только его армия уйдет с русской земли, так князья соберут полки и выбьют Андраша из Галича. Поэтому он решил внести раскол в ряды возможных соратников по коалиции и направил посольство в Киев к князю Святославу. Послы сказали князю, что со временем Бела отдаст Галич во владение сыну Святослава, пусть только киевский властелин не вмешивается в распрю венгров с Романом и Владимиром. Король не собирался отказываться от богатого удела на Руси и просто старался выиграть время, но Святославу алчность застила разум, и он проглотил наживку. Киевские полки так и не выступили в поход. Когда Бела об этом узнал, то ушел в Венгрию, оставив сыну

достаточное количество войск. По улицам Галича ходили венгерские патрули, а в детинце засел сильный гарнизон.

К этому времени передовые полки Романа и Ростислава подошли к городу Пленску. Но местный воевода ворота открыть отказался, а отправил гонцов в Галич за помощью. Венгры быстро сориентировались в ситуации, выступили в поход и нанесли русским сокрушительное поражение. Ростислав ушел к отцу в Овруч, а Роман вновь отправился в Польшу. На отчаянный призыв Романа откликнулся его дядя Мешко. С польскими войсками Роман отправился на Волынь, чтобы набрать новых ратников и выступить на Галич, но случилось то, чего он никак не ожидал. Его младший брат Всеволод засел во Владимире-Волынском и объявил, что не пустит в город Романа. Он теперь князь Галича, вот пусть и идет в свой удел, а на Волыни ему делать нечего. От такого удара Роман окончательно сник, отпустил поляков домой и как побитый пес прибежал к тестю. Рюрик был страшно разгневан на зятя, чье безрассудство привело к столь печальным последствиям. В Галиче находились венгры, и выгнать их оттуда в ближайшее время не было никакой возможности. Полки Рюрика понесли серьезные потери у Пленска, Владимир Ярославич находился в плену у короля, а зять остался без волости. И все это случилось из-за великой жадности Романа, возжелавшего удел ближнего своего. Все это Рюрик и высказал зятю. Но затем подобрел и от своих щедрот дал ему Точеск, поскольку не желал видеть родственника изгоем. А через некоторое время отправил войска на Владимир-Волынский и принудил Всеволода покинуть город. Младший брат ушел в Белз, а Роман вернулся во Владимир. Затем Рюрик примирил братьев и приступил к организации похода на Галич, к которому привлек и киевского князя.

Однако гора родила мышь. Когда объединенное войско выступило в поход, то Рюрик со Святославом крепко переругались выясняя, кому владеть Галичем. Киевский князь хотел отдать это богатое княжество сыну, а Рюрик видел себя во главе Галицкой земли. В итоге, союзное войско распалось, и князья увели полки по домам.

Все закончилось неожиданно. Владимир Ярославич, о котором все забыли, напомнил о себе. И как напомнил! Пленный князь проживал в шатре на каменной башне замка и однажды ночью изрезал ткань на полосы, свил веревку и спустился вниз. Несколько подкупленных стражников поджидали Владимира внизу, и беглецы устремились на запад, во владения германского императора Фридриха Барбароссы. Оказавшись за пределами Венгрии, Владимир объявил о том, кто он такой, и добился приема у императора. При личной встрече он особенно упирал на то, что приходится племянником сильнейшему русскому князю Всеволоду Большое Гнездо. Барбаросса вел переписку с Всеволодом и имел представление о том, кто есть кто на Руси. К тому же, в случае возвращения в Галич, беглый князь обещал Фридриху помощь в войне с венграми и ежегодную выплату в 200 гривен серебром. Поэтому император благожелательно принял Владимира, а сам тем временем отправил доверенного человека к польскому князю Казимиру с просьбой оказать помощь изгнаннику.

У Казимира были свои резоны оказать поддержку Владимиру Ярославичу. Ему гораздо выгоднее было иметь соседом в Галиче дружественного правителя, чем враждебных венгров, с которыми поляки воевали с завидной регулярностью. Сам Казимир в поход не пошел, а отправил на Русь войска под командованием военачальника Николая. Узнав о том, что Владимир во главе польской рати идет на Галич, Андраш перепугался и покинул город. 1 августа 1189 года под колокольный звон и при огромном стечении народа Владимир Ярославич въехал в свой город. Горожане нахлебались лиха при венграх и восторженно встречали своего законного князя.

Но Владимир понимал, насколько непрочно его положение. Трудно сказать, сам он до этого додумался или же его кто-то надумил, но князь сделал очень умный ход. Он попросил своего дядю Всеволода Большое Гнездо о поддержке, прямо заявив, что опасается нового изгнания. И грозный властелин Северо-Восточной Руси откликнулся на просьбу племян-

ника. Суздальские послы прибыли ко двору польского князя Казимира и попросили его подействовать возвращению семьи Владимира в Галич, в то время как другие посланники Всеволода появились в Киеве и Овруче. Там они недвусмысленно дали понять, что Владимир Галицкий находится под покровительством Всеволода Юрьевича, и любая попытка выступить против Владимира приведет к конфликту с Суздальской землей. Этого оказалось более чем достаточно, и до самой своей смерти Владимир Ярославич спокойно правил в своем родовом уделе.

Так бесславно закончилась для князя Романа первая попытка овладеть Галичем.

* * *

Беда пришла внезапно, причем с той стороны, откуда не ждали. 25 июля 1194 года умирает киевский князь Святослав Всеволодович и на златой стол садится Рюрик Ростиславич. На радостях новый великий князь решил облагодетельствовать зятя Романа и передал ему во владение пять городов в Киевской земле: Торческ, Триполь, Богуслав, Корсунь и Канев. Во взаимоотношениях между родственниками наступила идиллия, но тут грянул гром. В дела Южной Руси вмешался Всеволод Большое Гнездо.

Владими́ро-суздальский князь внимательно наблюдал за тем, что происходит на юге, и его насторожил складывающийся крепкий союз между Романом и Рюриком. Великий мастер многоходовых политических комбинаций, Всеволод затеял очень тонкую интригу, чтобы разрушить этот тандем, и как по нотам разыграл партию. Результаты превзошли все ожидания.

Начал Всеволод с того, что отправил к Рюрику посла, заявившего киевскому князю от имени своего повелителя следующее: *«Вы меня нарекли во всем племени Владимировом старейшим. Ныне ты сел на престол киевский и раздал волости младшим во братии, а мне части не уделил, якобы я участия не имел, то я увижу, как ты с ними можешь себя и землю Русскую охранять»* (В. Н. Татищев, с. 585). Всеволод открытым текстом потребовал свою долю в Южной Руси, причем указал именно на города, что были отданы Роману. Киевский князь стал предлагать взамен другие волости, но Всеволоду были нужны не земли, а конфликт между зятем и тестем. Рюрик оказался в очень сложном положении, поскольку отвергнуть требования северного соседа было очень опасно, а обострять отношения с Романом киевский князь тоже не хотел. Было о чем подумать Рюрику. Самым разумным в данной ситуации было бы встретиться Романом и вместе с ним обсудить положение дел. Но по неизвестной причине киевский князь не стал этого делать.

Тем не менее в Киеве нашлись умные люди, раскусившие замысел Всеволода. Об этом они напрямую заявили своему князю: *«Какую, Рюрик, надежду можешь иметь на Всеволода, если здесь война начнется, и чего можешь бояться, если б Всеволод хотел силою что взять, когда сих не оскорбишь? К тому рассмотри договоры прежние, когда Всеволод, взяв от брата твоего Романа и от Святослава Новгород, навечно от Русской земли и Киева отказался, а ныне, преступая клятву, требует от тебя волости и хочет тебя со всеми князьями поссорить»* (В. Н. Татищев, с. 586). Рюрику надо было или срочно встретиться с зятем, или же согласиться с мнением приближенных, но вместо этого он отправился за советом к митрополиту. А тот присоветовал Рюрику согласиться с требованиями владимирского князя. Неизвестно, говорил ли так митрополит от невеликого ума, или же преследовал свой корыстный интерес, но Рюрик прислушался к мнению святителя и решил отдать спорные города Всеволоду. Но если бы киевский князь знал, чем все это обернется для него лично, он бы никогда так не поступил.

Хотя изначально все прошло спокойно. Рюрик через послов объяснил Роману ситуацию и пообещал взамен отобранных городов вознаградить зятя таким же достойным уделом.

На Волыни к такому заявлению отнеслись вполне адекватно, поскольку отдавали отчет в том, к чему может привести война с Суздальской землей. Но в это время Всеволод сделал следующий ход и полностью нарушил хрупкий мир между Рюриком и Романом. В Триполь, Богуслав, Корсунь и Канев владимирский князь отправил своих посадников, а Торческ отдал своему зятю Ростиславу, сыну Рюрика. Ростислав был женат на дочери Всеволода Верхуслане, и внешне все выглядело вполне благопристойно. Но только не для Романа Мстиславича. Сам прожженный интриган, волинский князь усмотрел в этом действии секретный сговор между Всеволодом и Рюриком, имевший целью лишить его удела в Киевской земле. И как ни взывал к нему тесть, предлагая взамен новые земли, Роман смертельно оскорбился, теперь только месть могла утолить праведный гнев волинского князя.

Оценив сложившуюся ситуацию, Роман решил заключить союз против Рюрика с Ольговичами и отправил в Чернигов доверенных людей. В Чернигове с пониманием отнеслись к этому предложению, утвердили клятвой заключенный договор и известили об этом Романа. Такой расклад мог присниться Рюрику разве что в кошмарном сне, поэтому и реакция князя была соответствующей. Он уведомил Всеволода Большое Гнездо о союзе Романа с Ольговичами и заручился поддержкой владимирского князя на случай конфликта с враждебной коалицией. После чего отправил к Роману посла, который объявил волинскому князю о том, что Рюрик разрывает с ним все договорные грамоты.

Теперь настала очередь Романа крепко задуматься. Он был совершенно не готов к войне, а придут Ольговичи на помощь или нет, про то один Бог ведал. Поэтому князь не стал мудрить, а отправился в Краков к своим польским родственникам клянчить войска. По свидетельству В. Н. Татищева, вдова Казимира Елена приходилась племянницей Роману, и это давало князю надежду на успех. Но полякам было не до проблем Романа, поскольку после смерти Казимира Справедливого в стране начался передел власти между малолетними сыновьями умершего князя, Лешек и Конрадом, и их дядей Мешко. И все получилось наоборот, поскольку именно сыновья Казимира вместе с матерью обратились с просьбой о помощи к Роману. Мешко готовился к походу на Краков, а Лешек и Конрад были еще малы, чтобы противостоять ему на поле боя. Роман же представлялся тем самым человеком, который способен укротить амбиции Мешко. Во-первых, он приходился князьям Казимировичам двоюродным братом, а во-вторых, хорошо знал ратное дело.

Волинский князь оказался перед дилеммой. Ему очень не хотелось влезать в польские междоусобицы, но, с другой стороны, Елена от имени сыновей обещала ему полную поддержку, как только ее дети утвердятся у власти. Роман понимал, что Ольговичи – союзники не надежные, а кроме них ему на Руси не на кого опереться. Рюрик заручился поддержкой Всеволода и будет мстить волинскому князю, а Владимир Галицкий искренне ненавидит Романа и при этом тоже находится под покровительством суздальского властелина. И ничего им Роман Мстиславич противопоставить не может. Но если в Польше будут княжить всем ему обязанные родственники, то стратегическая ситуация изменится радикально. Роман решение принял, вернулся на Волынь, собрал дружину и отправился в Польшу. Наиболее дальновидные советники князя советовали ему отказаться от этой авантюры и помириться с Рюриком, но Роман дерзко ответил: *«Если мне Бог даст победить Мешека, то, совокупив всех поляков, исполню с ними честь и хотение мое, а мира просить и винным себя представить никому не хочу»* (В. Н. Татищев, с. 587). Князь пошел по стопам тестя, который так же не стал слушать умных советов бояр и принял наихудшее решение из всех возможных.

Когда Роман с дружиной появился в Польше, то к нему пришли послы от Мешко с предложением выступить посредником в мирных переговорах с племянниками. Самому же Роману польский князь обещал покрыть все убытки, связанные с организацией похода. Мешко приходился Роману дядей, и поэтому данная просьба выглядела вполне естественно. Но волинского князя понесло, он уже видел себя победителем на белом коне, поэтому,

несмотря на настойчивые советы воевод принять предложение Мешко, выбрал войну. Он знал, что из Кракова идет трехтысячное войско под командованием Николая, полководца Казимировичей, и был уверен в успехе. Лавры тестя по-прежнему не давали Роману покоя. Объединив дружину с войсками Лешека и Конрада, волынский князь атаковал армию Мешко.

Битва на реке Мозгаве произошла 19 сентября 1195 года. Там, где местность заросла сосновыми лесами и кустарником ежевики, военачальники враждующих армий строили своих людей в боевые порядки. На правом крыле против сына Мешко Болеслава встал Роман с волынской дружиной, в центре – войска сандомирского военачальника Говорека, а левый фланг заняли краковские отряды под командованием палатина Николая. Им предстояло сражаться против самого Мешко. Но польский князь был опытным воеводой и исхитрился занять позицию на холмах, получив таким образом преимущество над своим противником. Но Романа это не смутило, он велел трубить атаку и повел грядней в бой. Земля содрогнулась от удара тысяч копыт о землю, когда волынская дружина устремилась на врага. Волна русской конницы захлестнула возвышенность, где стояло войско Болеслава, и врезалась польские ряды. Дружинники втоптали в землю вражескую пехоту, разбили панцирную кавалерию и опрокинули телохранителей Болеслава. В круговерти рукопашной схватки сына Мешко пронзили копьем, и польский командующий свалился с коня на землю. Увидев гибель полководца, поляки обратились в бегство. Роман возрадовался и приказал преследовать разбитого врага, но в этот момент к нему примчался гонец от краковского воеводы и доложил, что союзные поляки разбегаются под натиском войск Мешко. Волынский князь остановил погоню и велел дружинникам строиться для новой атаки.

Польский князь действовал энергично и напористо. Как только краковские отряды стали подниматься на холмы, Мешко повел тяжеловооруженную конницу в контратаку и сокрушил боевые порядки противника. Воинство Казимировичей рассыпалось по окрестным лесам, а Мешко повел своих людей на выручку сыну. Но опоздал, Болеслав был уже мертв, а войско его разбито. Однако благодаря этому маневру Мешко привел свои отряды обратно на вершину холма, а дружина Романа оказалась внизу. Русским вновь предстояло атаковать вверх по склону, а между тем их кони уже устали и не могли набрать необходимый разбег для атаки. Но Роман указал мечом на знамя Мешко и устремился вперед. Тогда польский князь выдвинул вперед стрелков и тысячи стрел посыпались на дружинников.

Поляки занимали выгодную позицию, стреляя сверху по наступающему противнику, они нанесли русским немалый урон. Бились на земле подстреленные кони, один за другим падали с седел грядни, и атака волынской дружины захлебнулась. Роман неистовствовал и гнал своих воинов вперед, но в этот момент, разодрав кольца кольчуги, в плечо князя вонзилась стрела. Роман Мстиславич выронил щит и был поражен еще двумя стрелами. Телохранители окружили князя, прикрыли щитами и стали уходить с поля битвы. Увидев, что у неприятеля случилась заминка и вражеская конница остановилась на полдороге, Мешко приказал полякам идти вперед. Он лично возглавил эту последнюю атаку. Навстречу князю устремились волынские дружинники, и две лавины всадников столкнулись на склоне. Некоторое время бой шел на равных, но затем поляки стали одолевать. В этом бою Мешко чуть было не погиб, поскольку некий польский воин по имени Григорий принял его за врага и нанес князю тяжелую рану. В азарте боя Григорий хотел добить поверженного врага, но испуганный Мешко успел снять с головы шлем и объявить, что он князь. Воин осознал свою ошибку, встал над раненым господином и защищал его от врагов, а затем помог покинуть поле боя.

Но для Романа это уже не имело никакого значения, поскольку его войско потерпело тяжелое поражение. Дружинники не выдержали слаженной атаки поляков и стали покидать

поле боя, отступая к обозу, где находился раненый Роман. От окончательного разгрома русских спасло только наступление темноты.

Но и Мешко не мог в полной мере насладиться победой. Его войска понесли большие потери, сын был убит, сам он ранен, а главное, князь не обладал всей полнотой информации о том, в каком положении находятся войска противника. Неукротимый нрав Романа был хорошо известен в Польше, и Мешко справедливо опасался, как бы волынский князь не затеял наутро новую битву. Поэтому он отвел свои войска за болото и таким образом защитился от предполагаемой атаки недобитого врага.

Роман в течение нескольких дней оставался на месте, залечивал раны, собирал рассеянных по лесам воинов, а главное, поджидал идущие ему на помощь войска из Кракова, которые вновь сумели собрать военачальники братьев Казимировичей. Но подмоги волынский князь так и не дождался, поскольку Мешко сумел перехватить этот отряд и разбить в открытом бою. Больше Роману в Польше делать было нечего, и он велел уходить на Русь. Краковский епископ Фулькон (Пелка) пытался удержать Романа, поскольку опасался похода Мешко на Краков, но князь ему с грустью ответил: *«Верно, почтеннейший отче, но, как видишь, удручает меня двойное увечье: с одной стороны, рана в моем теле, с другой – потери моего войска, часть которого в сражении пала, часть бежала»* (Винцентий Кадлубек, IV, 23).

Битва при Мозгаве на некоторое время положила предел амбициям Романа. Вернувшись во Владимир-Волынский, он отправил послов к Рюрику и повинился перед тестем. Так же волынский князь просил защиты и у киевского митрополита, хотя прекрасно знал, кто надоумил Рюрика передать спорные города Всеволоду. Но киевский князь и сам не желал продолжения ссоры, а потому обязал Романа целовать крест на том, что он не будет злоумышлять против Рюрика и будет почитать его вместо отца. А чтобы уладить с зятем все недоразумения, дал ему в Киевской земле два города – Корсунь и Полоное. Но Рюрик крепко ошибся, поверив Роману.

* * *

По большому счету, Роман Мстиславич был человеком подлым и беспринципным. На эти свойства его характера обратил внимание Н. М. Карамзин, отметив, что сей князь *«искал всех способов возвыситься; следуя одному правилу быть сильным, не уважал никаких иных, ни родства, ни признательности»* (с. 408). Поставив перед собой какую-либо цель, Роман ради ее достижения не брезговал никакими средствами. Так было и на этот раз. Оправившись от поражения в Польше, волынский князь осмотрелся, вспомнил о союзе с Ольговичами и вновь начал плести козни против Рюрика. А в 1196 году и вовсе перешел к открытым боевым действиям. Тайно сосредоточив в Полоном значительные силы, он стал совершать оттуда набеги на Киевскую и Смоленскую земли. Рюрик размер опасности оценил и выслал против Романа племянника Ростислава Мстиславича с полками, а в Галич отправил гонца, прося Владимира Ярославича ударить по Волыни. Сам же князь остался в Киеве, выжидая удобный момент для атаки на Чернигов.

Союз Романа и Ольговичей обернулся для них большими неприятностями. С северо-востока в Черниговское княжество вторглись суздальские и смоленские полки, подвергнув земли страшному опустошению. Не имея возможности противостоять столь мощному натиску, черниговский князь Ярослав был вынужден заключить мир на условиях, продиктованных Всеволодом Большое Гнездо. Первоначально одним из пунктов данного соглашения был отказ Ольговичей от союза с Романом. Но, несмотря на давление суздальцев, Ярослав союз с волынским князем разрывать не стал, хотя помощи ему никакой не оказал. Роман вновь остался в гордом одиночестве. Владимир Галицкий напал на Волынь и начал наступать на Владимир, в то время как сын Рюрика Ростислав с конницей черных клобуков мето-

дично разорял окрестности Каменца. Земли Романа были разорены, и казалось, что для него все кончено, но в этот момент усобица вышла на новый виток.

Рюрик не придумал ничего умнее, как испортить отношения с Всеволодом Большое Гнездо. Поводом к ссоре послужил договор, заключенный владимирским князем с Ярославом Черниговским. Рюрик, подстрекаемый своим братом, смоленским князем Давыдом, стал упрекать Всеволода в том, что при заключении мира он не учел его интересов. Припомнил и города, отобранные у Романа и переданные Всеволоду. В итоге обвинил владимирского князя в том, что именно он является причиной всех бед Рюрика, и, как следствие, забрал обратно все злосчастные города. Но потом одумался, и, от греха подальше, отдал Торческ, Триполь, Богуслав и Канев родственникам, а Всеволоду передал Переяславль-Южный, родовую вотчину суздальских Мономашичей. Роман из конфликта между Рюриком и Всеволодом ничего полезного для себя извлечь не смог и был вынужден в очередной раз замирился с тестем. Большой войны избежать удалось, на Руси вновь воцарилась тревожная тишина.

Но Роману на месте не сиделось, его в буквальном смысле слова распирало от жажды деятельности, а неутомимая натура звала князя на новые подвиги и авантюры. Но с Рюриком воевать было опасно, за Владимиром Галицким стоял Всеволод Большое Гнездо, и в итоге князь был вынужден озаботиться борьбой с внешним врагом. Наконец-то сподобился совершить что-то полезное для Руси. Роман решил совершить поход на племена ятвягов, проживающих в междуречье Нарева и Немана, поскольку они периодически совершали набеги на его земли. Волынские полки огнем и мечом прошли по вражеской территории, подвергнув ее жуткому разорению. Ятвяги не рискнули вступить в бой с ратниками Романа и укрылись в лесах, просидев там до тех пор, пока русские не ушли обратно на Волынь.

Этот поход не успокоил мятущуюся душу князя. Больше всего на свете он хотел отомстить Рюрику, но как это сделать не знал. И наконец придумал. В Лаврентьевской летописи под 1197 годом есть следующая запись: «*Романко расторг брак с дочерью Рюрика, желая ее постричь в монахини*» (Лаврентьевская летопись, с. 352). Вот и все. Теперь Рюрик Роману не друг и не родственник, а просто заклятый враг до конца дней, с которым волынский князь будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Именно так бывший тесть и понял поступок зятя, поскольку срочно отправил гонца во Владимир-Суздальский с известием, что Роман вновь нарушил мир и снова заключил союз с Ольговичами. Но дело на этом и закончилось, поскольку Роман не рискнул разжигать очередную усобицу.

Все изменилось в 1199 году, когда умер Владимир Галицкий. Одни утверждали, что князь спился, и его погубили различные нехорошие излишества, другие говорили, что Владимир был отравлен. Но сути дела это не меняло, поскольку свято место пусто не бывает, и на богатый город Галич сразу же нашлась масса претендентов. Причем каждый из них считал себя самым достойным. Рюрик планировал отдать этот удел своему сыну Ростиславу. Роман хотел сам княжить в Галиче. А венгерский король Андраш II, в бытность свою наследником трона сам правивший в Галиче, решил завоевать эти богатые земли для своего сына. Галичане, оценив положение дел, отправили в Киев делегацию с наказом, чтобы Рюрик рекомендовал им князя. Об этом узнал Роман и в свою очередь снарядил к бывшему тестю посольство, бил челом, просил прощения за многочисленные обиды и просил помощи, чтобы овладеть Галичем. Но Рюрик жестко ответил, что судьба Галицкого княжества будет решаться на съезде князей, куда приглашал и Романа. Волынский князь понял, чем все это для него может закончиться. Решив, что его час пробил, он обратился к своим польским родственникам с просьбой прислать войска. На помощь Роману прибыл его двоюродный брат Лешек, тот самый, чьи права на Краков волынский князь отстаивал в битве при Мозгаве.

О том, что происходило дальше, есть несколько версий. В. Н. Татищев пишет о том, что в Галиче так и не дождались посланцев от Рюрика, а когда местные бояре провели о

том, что через горы идет войско венгерского короля, то приняли Романа. Узнав о том, что в Галиче находится волынский князь с поляками, военачальники Андраша повернули назад, а Роман богато одарил ляхов и отпустил их домой. В Густынской летописи ситуация излагается несколько иначе там галичане изначально настроены против Романа и вступают в битву с поляками и волынскими полками. Но, потерпев поражение, вынуждены были принять Романа. Новый князь целовал Лешку крест на том, что будет ему послушен, а галичан обещал любить и не чинить им никакой обиды. Есть еще и польская версия развития событий ее приводят Винцентий Кадлубек и «Великопольская хроника». Согласно этой информации, Роман просит двоюродного брата назначить его польским наместником в Галиче и, когда союзники вступают в город, становится чуть ли не вассалом Лешка Белого. Поляки всегда славились умением выдавать желаемое за действительное, и поэтому удивляться такому подходу к делу не приходится.

Версии разные, но итог один: Роман Мстиславич утвердился в Галиче.

* * *

В. Н. Татищев дает Роману такую характеристику: *«Сей Роман Мстиславич, внук Изяславов, ростом был хотя не весьма велик, но широк и чрезвычайно силен; лицом красив, очи черные, нос великий с горбом, волосы черные и короткие; весьма яр был во гневе; косен языком, когда осердился, не мог долго слова выговорить; много веселился с вельможами, но пьян никогда не был. Много жен любил, но ни одна им не владела. Воин был храбрый и хитер на устройство полков, особенно же это показал, когда венгров великое войско с малым своим разбил⁴. Всю жизнь свою в войнах препровождал, многие победы получил, и лишь однажды побежден был. Того ради всем окрестным был страшен»* (с. 611–612). Скажем так: Роман был страшен не только врагам внешним, но и своим соотечественникам, которые опасались связываться с амбициозным и злопамятным князем.

Автор Галицко-Волынской летописи разражается в адрес Романа вдохновенным панегириком: *«Он победил все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям Божиим: устремлялся на поганых, как лев, свиреп был, как рысь, истребляя их, как крокодил, проходил их землю, как орел, храбр был, как тур, следовал деду своему Мономаху...»⁵* Трудно сказать, где летописец из Галича мог увидеть крокодила – скорее всего, услышал он об этом экзотическом звере от проезжих купцов или вычитал в какой-либо книге. Но решил польстить Роману, и в итоге имеем то, что имеем.

Впрочем, в Густынской летописи приводится несколько иная характеристика князя – на мой взгляд, более соответствующая действительности: *«Роман же Мстиславич Володымерский, зять Рурика Киевского, свереп сый и властолюбец, иже всегда которы любяше»⁶* (т. 40, с. 107). Очень ярко и эмоционально, несмотря на отсутствие крокодилов. В той же летописи князь именуется не иначе как *«Роман злонравный»* (т. 40, с. 109), что говорит о многом. При оценке его деятельности автор Густынской летописи не будет стесняться в выражениях: *«седи на княжении, много зла сотвори Рурику Киевскому, тестю своему, и инным князем»* (т. 40, с. 108). Винцентий Кадлубек пишет о том, что Роман *«был более ловок, [чем прочие], в интригах»* (IV, 24), а Татищев характеризует князя *«как человека весьма умелого в военном деле и храброго»*.

Выводы делайте сами...

⁴ Информации о какой-либо битве Романа с венграми в русских летописях нет.

⁵ Здесь и далее – Галицко-Волынская летопись по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб. Наука. 1997.

⁶ Здесь и далее – летописи по ПСРЛ (Полное собрание русских летописей).

О том, как Роман укреплял свою власть в Галицком княжестве, русские летописи молчат, информация об этом содержится в польских хрониках. Вот что рассказывает об этом периоде истории Галича Винцентий Кадлубек: *«Едва только князь Лешко со своими удалился, как [Роман] неожиданно хватает галицких сатрапов и знатнейших бояр и казнит: кого в землю живыми закапывает, кого на части разрывает, с других кожу сдирает, многих делает мишенями для стрел, некоторым сначала внутренности вырывает, потом убивает. Испытывает на своих всякого рода казни – став более жестоким врагом для своих граждан, нежели для врагов. А тех, кого открыто не мог схватить, потому как почти все в страхе разбежались по чужим землям, вновь вызывает, [приманив] дарами, лестью и всякими измышлениями, на которые он был мастер, обнимает, возвеличивает почестями. Вскоре, придумав какое-либо ложное обвинение, безвинных свергает и приказывает их замучить невыносимыми пытками; либо чтобы имущество у убитых отнять, либо чтобы нагнать страх на соседей или чтобы, уничтожив наиболее могущественных, самому властвовать тем безопаснее. Он часто употреблял присказку: мед удобнее добывать, если пригнешь пчелиный рой, а не распустишь его; трава не пахнет, если ее не растолочь пестом. И так, построив на несчастье других свое счастье, он в короткое время вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями»* (IV, 24).

Отвергать информацию Кадлубека не никаких оснований, все описанные выше действия в полной мере соответствуют характеру Романа Мстиславича. Наоборот, было бы удивительно, если бы он повел себя иначе. Ведь не все в Галиче были довольны приходом Романа, недаром Кадлубек обмолвился, что, *«несмотря на сопротивление всей русской знати, князь Лешко назначает Романа галицким князем»* (IV, 24). Оставим на совести тщеславных поляков утверждение о том, что это они ставили князей на Руси, обратим внимание на суть проблемы. Боярская вольница в Галиче чувствовала себя очень вольготно, обладала значительными военными силами, и подчинить ее можно было только железом и кровью. Что Роман и делал. Развязав тотальный террор против местной аристократии, князь начал выстраивать в Галиче твердую вертикаль власти. А поговорку про пчел и мед будет помнить и сын Романа Даниил.

Судя по всему, с боярской оппозицией князь справился, недаром автор Галицко-Волынской летописи вспоминает его как *«приснопамятного самодержца всей Руси»*. А самодержцем правитель может быть только в том случае, если ему никто не мешает управлять государством. Многих представителей местной элиты уничтожили, кто-то затаился до лучших времен, а некоторые ударились в бег. Например, убежавший от княжеского гнева боярин Володислав Кормильчич станет настоящим проклятием для Юго-Западной Руси. Но в данный момент князь торжествовал. Объединив под одной властью Галицкое и Волынское княжества, Роман стал одним из сильнейших правителей не только на Руси, но и в Восточной Европе.

Роману Мстиславичу потребовалось время, чтобы освоиться на новом месте, но Рюрик не воспользовался выпавшим ему шансом. Недаром Роман считал бывшего тестя человеком *«в делах медленным и не храбрым»* (В. Н. Татищев, с. 601). Пока Рюрик собирал войска, да заключал союз с Ольговичами против Романа, новый князь Галича действовал. Порамышляв над сложившейся ситуацией, Роман решил побить Рюрика его же оружием и отправил к Всеволоду Большое Гнездо послов с жалобой на киевского князя. Дескать, Рюрик злоумышляет как на владими́ро-суздальского князя, так и на галицкого, для чего и вступил в сговор с Ольговичами. После чего Роман собрал полки и в 1201 году пошел прямо на Киев. По пути ему удалось посулами и подкупом склонить на свою сторону черных клобуков, что значительно ослабило военные силы Киевской земли.

Рюрик был застигнут врасплох. Он находился в Киеве вместе с черниговским князем Игорем Святославичем, героем знаменитого «Слова», и Владимиром, сыном покойного киевского князя Святослава Всеволодовича. Сидя во дворце Рюрика, союзники обсуждали грядущую войну с Романом и даже не подозревали, что волынские и галицкие полки уже подходят к городу. Рюрика предали все, никто даже не соизволил предупредить князя о появлении вражеских войск. Киевляне гостеприимно распахнули перед Романом городские ворота и улицы древней столицы сотряслись от топота тысяч ратников. Люди Романа занимали Подол, а Рюрик продолжал рассуждать перед Игорем и Владимиром, как скрутит в бараний рог своего злейшего врага. А когда обо всем узнал, то сделать уже ничего не мог и был вынужден сдаться на милость победителя.

Впрочем, Роман проявил снисхождение к бывшему тестю. Рюрик целовал крест, что не будет злоумышлять на галицкого князя и искать Киева, а затем беспрепятственно отправился в Овруч. Таким образом, за Рюриком сохранился значительный удел в Киевской земле. Через процедуру крестоцелования прошли и черниговские князья, после чего их выпроводили на левый берег Днепра. В Киеве Роман оставил княжить своего племянника Ингваря Ярославича, поскольку понимал одну простую вещь: если захват Галича сошел ему с рук, то в Киеве этот номер не пройдет. Не исключено, что в этом случае против князя Галича и Волыни объединятся Мономашичи с Ольговичами, и тогда никакая польская помощь не спасет. Роман предпочел синицу в руках журавлю в небе: отказавшись от Киева, он сохранил за собой Галич. Немаловажным моментом было и то, что кандидатура князя Ингваря была согласована с Всеволодом Большое Гнездо. В Лаврентьевской летописи прямо указано, что посадили его княжить в Киеве Роман и Всеволод. Но владимирский князь был далеко, а Роман Мстиславич находился рядом и мог через племянника проводить в Южной Руси свою политику. Недаром в Густынской летописи Ингварь назван «*намесником Романовым*» (т. 40, с. 109).

Пока галицкий князь находился в Киеве, половцы совершили набег на Русь. Роман проявил себя молодцом, быстро собрал дружину и бросился в погоню за степняками. Кочевников настигли за рекой Рось, поскольку, обремененные большим полоном и добычей, они лишились своего главного преимущества – маневренности. Половцев разбили наголову, а всех пленников освободили. После этой победы Роман ушел в Галич, в данный момент его положению ничего не угрожало.

* * *

Рюрик и Роман поменялись местами, и если раньше Роман опасался Рюрика, то теперь все было с точностью до наоборот. Но бывший киевский князь не собирался мириться с таким положением дел, он хотел вернуть себе власть над столицей и отомстить киевлянам за предательство. Причем трудно сказать, к чему он больше стремился. К предстоящей войне Рюрик готовился очень тщательно и не только заключил союз с черниговским князем Олегом, но и призвал на помощь половцев. Переговоры шли достаточно долго: судя по всему, они завершились осенью 1202 года. Согласно договоренностям, Рюрик должен был соединиться с черниговскими полками на берегу Днепра и вдоль реки с севера наступать на Киев. В определенный день к городу с юга должны были подойти половцы. Одну орду вел легендарный хан Кончак, другую – Данила Кобякович, сын хана Кобяка, разбитого и взятого в плен Святославом Всеволодовичем в 1183 году. Кобяк был убит в Киеве, и теперь сын хотел отомстить за отца. Олег Черниговский в поход не пошел, а отправил с полками племянника Ростислава Ярославича, сновского князя. Рюрик тщательно спланировал атаку на столицу, и у князя Ингваря не было никаких шансов отразить вражеское наступление с разных направлений. Оно началось в конце декабря 1202 года.

Ингварь Ярославич своевременно узнал о том, что Рюрик и Ростислав выступили против него. Впрочем, Рюрик своих намерений не таил, наоборот, он делал все возможное, чтобы привлечь внимание киевского князя к северному направлению. Союзная рать шла вдоль правого берега Днепра, воеводы сознательно высылали далеко вперед отряды всадников, которые наводили панику в землях Ингваря. Киевский князь проглотил наживку, отправил гонца к Роману с просьбой о помощи и стал стягивать полки к северным рубежам столицы. На выручку ему пришел каневский князь Мстислав Владимирович с дружиной, и Ингварь несколько приободрился. Но ему и в голову не приходило, что беда совсем рядом и половецкая орда идет на Киев.

Кончак не раз, водивший своих воинов на Русь, знал все пути-дороги, ведущие к столице, и уверенно ориентировался на вражеских землях. Хан был уверен в успехе. Во-первых, ему было известно, что Рюрик отвлечет внимание Ингваря, а во-вторых, половцы никогда не воевали зимой, и в данный момент их появление в Киевской земле было для русских полнейшей неожиданностью. Степная сторожа расслабилась, воины попрятались по теплым землянкам, а когда замечали опасность, то было уже поздно. Половецкие разъезды один за другим уничтожали русские дозоры, и орда беспрепятственно шла вперед. Прорыв через Поросскую линию обороны⁷ был молниеносен, поскольку степняков здесь не ждали, а Кончак распорядился укрепленные города обходить стороной. Главной целью похода был Киев, и старый хан не хотел размениваться на мелочи. Кончак весело скалился, наблюдая, как по засыпанной снегом степи мчатся тысячи отборных половецких воинов. И пусть во время зимы их кони отошала и не столь быстры, как летом, удар ханской конницы будет неотразим. Потому что русские половцев не ждут.

Когда Ингварю доложили о том, что с юга к Киеву приближаются половецкие орды, князь понял, что шансов удержать столицу нет. Он мог по отдельности отбиться от Рюрика с Ольговичами или от степняков, но не от всех вместе. Ингварь осознал, что настало время спасать собственную жизнь, бросил наспех собранные полки и вместе с дружиной побежал на Волынь, поскольку только у Романа можно было переждать грозу. Мстислав Владимирович отправился в Киев, и непонятно, чего он хотел – то ли город оборонять, то ли на златом столе сесть.

Узнав о бегстве князей и о вторжении половцев, киевское войско распалось. Часть ратников устремились в Киев спасать своих близких, другие разбежались по деревням, чтобы успеть вывезти семьи, а третьи сразу укрылись в лесах. Узнав о том, что путь на Киев открыт, Рюрик и Олег резко ускорили движение войск и утром 2 февраля подступили к городу. С юга уже подходили передовые отряды половцев.

...Рюрик в окружении воевод и половецких ханов сидел на коне напротив Жидовских ворот и наблюдал за суетой на стенах Киева. Ярко блестели на солнце позолоченные шлем и панцирь князя, порывы ветра трепали за плечами алое корзно⁸. Гордо реяли русские стяги и бунчуки степняков. Еще до рассвета из города выехали последние санные обозы с беженцами, а утром Киев уже был взят в плотное кольцо осады. Князь медленно потянул из ножен клинок и указал на стены столицы. Заревели боевые рога дружин и полков, загрохотали барабаны половцев, и тысячи людей устремились к крепостным валам Киева. Штурм был скоротечен.

Степняки быстро доскакали до подножия валов, прыгнули с коней, преодолели ров с замерзшей водой и стали карабкаться наверх по засыпанным снегом кручам. Забросив на стены арканы и веревки с крюками, половцы полезли наверх и на гребне стены схватились с киевскими ратниками. Затем подоспели черниговцы и по приставным лестницам устре-

⁷ Поросская линия обороны – цепь городов и крепостей, защищавшая Киев с юга от набегов степняков.

⁸ Корзно – княжеский плащ.

мились на помощь союзникам. Киевлян сбросили с вала, а половцы прорвались к воротам и распахнули тяжелые, обитые железом створы. Увидев, что путь в город открыт, Рюрик поднял над головой меч и во главе дружины устремился к воротам. Сбивая натиском коней стоявших на пути киевских ратников, гридни прорвались в город и устремились ко второй линии обороны – к городу Владимира. За ними мутным потоком вливалась в город половецкая орда. Киев пал.

Погром, устроенный в столице Рюриком и его союзниками, далеко превзошел разорение Киева войсками Андрея Боголюбского в марте 1169 года: *«Сие же взятие и пленение Киева злейшее паче всех прежних пленений»* (Полное собрание русских летописей, т. 40, с. 109). Наиболее подробный рассказ об этом печальном событии сохранился в Лаврентьевской летописи: *«В лето 6711 (1203), 2 января, на память святого Сильвестра, папы Римского, взят был Киев Рюриком с Ольговичами и всей Половецкой землей. И великое зло было причинено Русской земле, какого от крещения не было над Киевом, были и беды и нападения, но не такие, как это нынешнее зло; не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и митрополию святую Софию разграбили, и Десятинную церковь святой Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы ободрали, а иные забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе, и это все забрали себе в полон. Как говорит пророк Давид: „Боже! Пришли иноплеменники в имение Твое, и осквернили церковь святую Твою; и превратили Иерусалим в овощное хранилище, превратили трупы рабов Твоих в пищу птицам небесным, плоть праведников Твоих отдали зверям земным, пролили кровь их как воду“. Все это случилось с Киевом за грехи наши: чернецов и черниц старых перебили, и попов старых, и хромых, и слепых, и горбатых, и больных всех перебили, а чернецов и черниц юных, и попов и попадей, и киевлян, и дочерей их и сынов их – тех всех увели иноплеменники к себе в вежи. Тогда же дружина Ростислава Ярославича захватила Мстислава Владимировича, и увел его Ростислав к себе в Сновск»* (с. 356). Как следует из текста летописи, Ростислав Ярославич взял в плен каневского князя и увел в свой родовой удел. Но Мстислав был князем и пусть дальним, но родственником Ростислава. В отличие от простых киевлян, ему нечего было беспокоиться за свою судьбу.

Интересную информацию приводит Новгородская I летопись старшего извода. Новгородцы – люди торговые, и на первом месте для них всегда были товарно-денежные отношения. Судя по всему, немало их оказалось в тот злополучный день в Киеве. Можно не сомневаться, что именно с их слов летописец сделал запись о злключениях иноземных купцов. Дело в том, что во время штурма города заморские гости со всем своим добром укрылись в каменных церквах. Но когда союзники ворвались в Киев, ни каменные стены, ни крепкие двери не смогли защитить торговых гостей от желающих пограбить воинов. Впрочем, по сравнению с местным населением, русские и половцы обошлись с купцами довольно гуманно, сохранив им жизнь и забрав только половину товаров. Очевидно, на это была дана установка высокого начальства.

О варварском разгроме Киева писали и польские хронисты. Например, Ян Длугош: *«Рюрик Ростиславич, горько переживая свое изгнание из Киевского княжества, получив в немалом количестве поддержку половцев, к которым бежал, сопровождаемый также сыновьями Олега, подходит к Киеву и, поскольку никто не осмеливался стать против него и защитить киевскую крепость, второго января захватывает киевскую крепость. Свиное множество варваров-половцев терзает город всевозможными мучительствами [и] жестокими грабежами, бесчинствуя даже во всех церквах, монастырях и зданиях, посвященных Богу, и против Его служителей, ограбив митрополию церковь святой Софии и все прочие. После того как были частью перебиты, частью ослеплены все старики и больные, они увели в плен в свою землю священников, монахов, монахинь, всех киевских бояр,*

горожан и весь народ с женами, детьми и грудными младенцами. В это время половцами были пленены Мстислав Владимирович, а также князь Ростислав и его дружина. Совершив такие злодеяния, Рюрик сел на киевском столе, запустелом и почти безлюдном»⁹ (с. 334). Как видим, информация поляка перекликается со свидетельствами русских летописей.

Рюрик люто отомстил киевлянам за предательство. Князь сознательно отдал город половцам, поскольку знал, какой дикий разгул устроят степняки на улицах Киева. Особенно были довольны Кончак и Данила Кобякович. Первый искренне радовался тому, что пусть и с помощью самих русских, но сумел взять на щит их древнюю столицу. Достойный финал военной карьеры старого хана. Второй смотрел на залитый кровью город, на бесконечные вереницы понуро бредущих пленников и испытывал удовлетворение от мести за отца.

Киев был жестоко разгромлен. Лишь когда ушла половецкая орда, в городе стали появляться чудом уцелевшие жители, из окрестных лесов и дальних деревень стали возвращаться те из киевлян, кому посчастливилось переждать бедствие в другом месте. Улицы очищались от мертвецов, на месте сожженных домов возводились новые. День и ночь стучали в городе топоры, возвещая о том, что столица возвращается к жизни. Но Рюрик всего это не замечал, князь мрачно слонялся по разграбленному дворцу и думал о том, что теперь предпримет Роман.

Ответ властелина Юго-Западной Руси не заставил себя долго ждать.

* * *

Как только до Романа дошли слухи о киевской трагедии, он велел собирать полки и выступать в поход. Князь был скор на подъем, и сборы не заняли много времени, вскоре галицкие и волынские полки шли на Киев. Но Рюрик не стал сидеть в разоренной столице, которую не имел сил удержать, а отступил в Овруч и приготовился к осаде. И дождался – 16 февраля под городом появились полки Романа. Соблазн самому занять золотой киевской стол был очень велик, но Роман Мстиславич и в этот раз сумел побороть искушение, несмотря на то, что киевляне звали его на княжение. Мало того, галицкий князь не стал решать вопрос с помощью грубой силы, а прибегнул к дипломатии. Его посол от имени Романа и Всеволода Большое Гнездо приказал Рюрику, чтобы князь разорвал союз с Ольговичами и половцами, перестал злоумышлять на соседей и не чинил несправедливости по отношению к киевлянам. У страха глаза велики, и Рюрик, не разобравшись, что к чему, целовал на том крест. После чего Роман неожиданно заявил, что желает видеть его киевским князем: *«Ты уже крест целовал, пошли же мужа своего к свату своему, а я пошлю своего мужа к отцу и господину великому князю Всеволоду, и ты молись, и я буду молить, дабы дал тебе снова Киев»* (Лаврентьевская летопись, с. 357).

Роман Мстиславич занимался откровенной самодеятельностью, поскольку владимирский князь и понятия не имел о том, что Рюрик осажден в Овруче. Поэтому, чтобы избежать дальнейших недоразумений, Роман заставил бывшего тестя написать Всеволоду покаянную грамоту, а сам отписал следующее: *«Отец и брат, я спокойствия ради в Русской земле уступил Киев снова Рюрику, взяв от него грамоту крестную, которую к тебе посылаю, а в прочем на твою волю полагаю»* (В. Н. Татищев, с. 603).

Всеволод был несколько озадачен, получив практически одновременно грамоты от Романа и Рюрика. Он в эту усобицу не влезал, но неожиданно для себя оказался в ней замешан и был вынужден выступить в роли арбитра. Однако сложившееся положение дел его вполне устраивало, поскольку Рюрик был сильно ослаблен, а Роман демонстративно при-

⁹ Здесь и далее – Ян Длугош по изданию: Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша.

знавал старшинство владимирского князя. Всеволод дал добро, и Рюрик снова стал князем киевским.

Планы у Романа были грандиозные, но для их реализации ему был нужен мир на Руси. Опытный интриган, галицкий князь подобно Всеволоду теперь старался просчитать свою партию на несколько ходов вперед. Для начала Роман выступил посредником между Всеволодом Большое Гнездо и Ольговичами в деле заключения мира. Все три стороны урядились между собой и целовали на верность крест. Подводя итоги дипломатической деятельности Романа Мстиславича, летописец оставит жизнеутверждающую запись: *«И наступил мир»* (Лаврентьевская летопись, с. 357). Но продолжался он недолго.

В декабре 1203 года Роман, Рюрик и юный князь Переяславля-Южного Ярослав¹⁰ пошли в поход против половцев. Некоторые косвенные данные указывают на то, что вместе с ними отправился и Мстислав Удатный, бывший князем в Триполе. Время для похода в степь было выбрано не случайно. Стояли лютые холода, степняки засели в своих вежах и пытались согреться у огня, а их кони заметно отошали за первый месяц зимы. Всем казалось, что Роману очень хочется поквитаться с половцами за прошлогодний разгром Киева, а заодно окончательно поссорить с ними Рюрика и тем самым обезопасить себя от всяких неожиданностей со стороны киевского князя. Ведь, по большому счету, Роману было вполне по силам совершить этот поход и в одиночку, без помощи остальных князей. Ярослав, понятно, молод, он так и рвется в бой, но Рюрик – дело другое, ему этот поход был совершенно без надобности. Однако киевский князь в данной ситуации не хотел обострять отношений с Романом, инициатором похода, и был вынужден принять в нем участие. Хотя если бы знал, чем все это закончится, остался бы дома.

Поход был удачен, князья захватили множество пленных, ратники и дружинники погнали на Русь половецкий скот и конские табуны. На обратном пути Рюрик и Ростислав заехали в Триполь, куда приехал и Ростислав Рюрикович. Князья решили отпраздновать победу, поделить трофеи и заодно обсудить ситуацию в Южной Руси. На пиру меды и заморские вина лились рекой, громко стукались чашами воеводы, вдохновенно рвали струны седые гусли. Рюрик, огрузнев от выпитых медов, развалился на лавке, зато сидевший напротив Роман был собран и смотрел на гулянье трезвыми глазами. Князья повели между собой неспешный разговор о текущих делах, но постепенно стали всплывать старые обиды. Слово за слово, начался спор. Рюрик ярился, его одутловатое лицо налилось багровой краской, Роман же был спокоен и только недобро шурился, поглядывая на киевского князя. Все вокруг притихли, воцарилась зловещая тишина, и только непотребная брань Рюрика была слышна в горнице. Внезапно Роман резко встал, громыхнул пудовым кулаком по дубовой столешнице, глянул в искаженное злобой лицо Рюрика и сказал все, что думает о нем самом и его дочери в частности. После чего кликнул воынских гридней и велел связать киевского князя. Рюриковы воеводы повскакали со своих мест и хотели было кинуться на помощь князю, но, увидев тускло блеснувшую сталь, понуро опустили на лавки. Они пришли на пир без мечей и теперь были бессильны что-либо изменить. Дружинники Романа скрутили Рюрику руки за спиной, взяли князя под локти и потащили к выходу из горницы. Во дворе были схвачены сыновья Рюрика, Ростислав и Владимир.

Пленники были доставлены в Киев, где по приказу Романа Рюрика постригли в монахи. Таким действием, галицкий князь просто вычеркнул своего недруга из политической жизни Руси. Отправилась в монастырь вместе со своей дочерью, бывшей женой Романа, и супруга Рюрика. При этом, сыновей киевского князя Роман Мстиславич тронуть побоялся и просто увез их в Галич, после того как покинул Киев. На златом столе вновь оказался Ингварь Ярославич.

¹⁰ Сын Всеволода Большое Гнездо.

Вне всякого сомнения, эту акцию Роман спланировал заранее. И если он не решился на такой шаг раньше, то только потому, что не знал, как на это посмотрит Всеволод Большое Гнездо. Теперь же Роман числился в верных союзниках владимирского князя, а Рюрик наоборот, вышел из доверия у хозяина Северо-Восточной Руси. Для Всеволода он был отработанным материалом, политическая карта Рюрика была бита. Впрочем, в этот конфликт владимирский князь все же вмешался и отправил к Роману грозное повеление выпустить на волю сыновей Рюрика. Ростислав приходился Всеволоду зятем, и это оберегало молодого человека от многих неприятностей. Мало того, могущественный тесть, не считаясь с мнением Романа, сделал Ростислава киевским князем, и повелитель Юго-Западной Руси не посмел ничего возразить. Так пишет автор Густынской летописи (т. 40, с. 110). Ингварь Ярославич вновь задержался в Киеве ненадолго. Впрочем, Татищев приводит информацию о том, что якобы Ростислав дал Роману некую клятву о том, что будет все делать по его воле. Такое вряд ли могло быть, поскольку за новым киевским князем стоял Всеволод, конфликта с которым Роман хотел избежать любой ценой. В Южной Руси вновь наступило затишье.

Здесь хотелось бы обратить внимание, что о походах Романа против половцев упоминает византийский историк Никита Хониат. Как следует из текста, русский князь несколько раз ходил в степь, нанося кочевникам тяжелые поражения. В русских летописях говорится только о двух походах, а ученый византиец не счел нужным пояснить, сколько же их было в действительности, хотя и пишет о том, что их было несколько. Судите сами: *«В следующий год валахи вместе с команамы опять произвели нашествие на римские владения и, опустошив самые лучшие области, возвратились обратно, не встретив нигде сопротивления. Может быть, они подступили бы даже к земляным воротам Константинополя и устремились против самой столицы, если бы христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья, частью по собственному побуждению, частью уступая мольбам своего архипастыря, не показали в высшей степени замечательной и искренней готовности помочь римлянам, приняв участие в них, как народе христианском, каждый год несколько раз подвергающемся нашествию варваров, пленению и продаже в рабство народам нехристианским. Именно Роман, князь галицкий, быстро подготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, которой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, он остановил набегу коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступление и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту»* (т. II, III, 5). По крайней мере, можно сделать вывод о том, что походы Романа были личной инициативой князя и никак не связаны с его желанием облегчить положение Византийской империи. Роман Мстиславич меньше всего думал о византийцах, когда ходил в степь: у него были свои резоны для таких действий.

Впрочем, Никите Хониату было известно и о борьбе между Романом и Рюриком, которая прилась как раз на то время, когда Роман Мстиславич воевал с половцами: *«Сверх того загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами; именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик обагрили мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силою и более славный искусством, одержал победу, причем также истребил множество коман, которые помогли в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска»* (т. II, III, 5).

О контактах Романа с византийцами свидетельствует Ян Длугош: *«Греческий город Константинополь, в котором тогда правил Аскарый, захватывают венецианцы и франки. Долгое время в его захват не верили, потому что существовало пророчество, что его не сможет взять никто, кроме ангела; но когда враги вошли в город через стену, на которой*

был изображен ангел, – тогда только обнаружился истинный смысл предсказания и сходство [с ним] заблуждения. Аскарий же, константинопольский император, после взятия города перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галицию, или Галицкую землю, которая является частью Руси, до сих пор состоящей под Польским королевством, и, будучи милостиво и благосклонно встречен, принят и размещён князем Руси Романом, некоторое время пребывал там» (с. 343). Под императором Аскарием Длугош подразумевает византийского базилевса Алексея III Ангела, убежавшего из Константинополя в июле 1203 года во время осады города крестоносцами. На некоторое время Алексей обосновался в Адрианополе и вполне возможно, что в этот период он мог посетить Галич. Некоторые исследователи сомневаются, что такой визит имел место, и при этом ссылаются на то, что в тексте присутствует Галатия. Из этого они делают вывод, что здесь подразумевается Галатия в Малой Азии. Но дело в том, что Длугош указал конкретный маршрут Алексея Ангела и во избежание недоразумений счел нужным пояснить, что Галатия – это Галицкая земля.

Другое дело, какая нужда могла привести императора в Галич. Можно предположить следующее. Имя Романа, как могущественного правителя, было хорошо известно в Византии, (о чем свидетельствуют зарубежные письменные источники), и не исключено, что базилевс хотел заручиться его поддержкой в борьбе с крестоносцами. Но Романа Мстиславича одолевали другие заботы, у него на родине дел было невпроворот.

Возвращаясь к деятельности галицкого князя на Руси, обратим внимание на любопытную информацию, приведенную В. Н. Татищевым. Другое дело, насколько она достоверна. Судите сами: *«Как только Рюрик с женою и дочерью были пострижены, а сыновья под стражу взяты, въехал Роман в Киев с великою честью и славою. И будучи тут, советовался с князьями и боярами о распорядках в Русской земле, чтоб пресечь междоусобия. И согласясь, послал ко Всеволоду, великому князю, в Суздаль и ко всем местным князьям объявить, что он Рюрика из-за его клятвпреступления свергнул с престола. И представлял им следующее: „Вам, братия, известно о том, что Киев есть старейший престол во всей Русской земле, и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях русских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, чтобы один другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похищают престол младшие и несмышленные, которые не могут не только другими распоряжаться и братию во враждах разводять, но сами себя оборонить не в состоянии; часто восстает война в братии, приводят язычников половцев и разоряют землю Русскую, чем особенно и в других вражду всевают. В этом и Рюрик явился виновен, и я лишил его престола, чтобы покой и тишину Русской земле приобрести, пока все князи русские, рассудив о порядке русского правления, согласно положат и утвердят. О чем прошу от каждого совета, кто как наилучше вздумает. Мое же мнение ежели принять хотите, когда в Киеве великий князь умрет, то пусть немедленно местные князи, суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский, войдя в согласие, выберут старейшего и достойнейшего себе великим князем и утвердят крестным целованием, как то в других добропорядочных государствах чинится. Младших же князей к тому избранию не потребно, но они должны слушать, что оные определят. Когда таким способом князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а младших наделить от оногo ж или в Русской земле от Горыни и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало. Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другого, то великий князь да судит с местными князьями и смирит. Ежели на кого придут войною половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь оборониться не может, тогда князю великому, согласясь с местными князьями, послать помощь от всего государства, сколько потребно. А чтобы местные князи не*

оскудевали в силах, не надлежит им областей своих детям делить, но отдавать престол после себя одному сыну старшему со всем владением. Младшим же по желанию давать для прокормления по городу или волости, но оным быть под властью старшего их брата. А если у кого сына не останется, тогда отдать брату старейшему после него или кто есть старейший по линии в роде его, чтоб Русская земля в силе не умалялась. Ибо вы ведаете довольно, когда немного князей в Руси было и старейшего единого слушали, тогда все окрестные их боялись и почитали, не смея нападать на пределы Русские, как то ныне видим. И если вам нравно съехаться на совет к Киеву или где пристойно, чтоб о сем внятнее рассудить и устав твердый учинить, то прошу в том согласиться и всех известить“» (с. 604–605).

Желая подчеркнуть достоверность этих сведений, в примечаниях Василий Никитич напишет следующее: *«Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказал, что выписано в Новгороде из древнего летописца и писано было древним наречием, которое мы с ним переложили, как здесь. И хотя мне оное несколько сомнительно было, однако ж видно, слог оного древний, которого он сам сочинить не мог; 2) что сия форма правления подобна Немецкой империи, которую никто за лучшую честь не может, и Хрущев сам, многие в том пороки довольно разумея, не хвалил, как я довольно его мнение знал, что он у нас монархию прочим предпочитал; 3) число шести избирателей не безопасно, ибо, по три разделяясь, к окончанию привести не возмогут, разве седьмой в списывании пропущен. Что же в местных наследие одному старшему сыну полагал, оное весьма неплохо, и если бы сие тогда утвердили, то б, конечно, такого великого вреда от татар не приключилось» (с. 624).*

На первый взгляд, это правильно, за одним исключением – все написанное выше может относиться к кому угодно, но только не к Роману. Вот уж кому до Руси дела никакого не было! Для Романа Мстиславича всегда на первом месте было собственное Я, а остальное представлялось вторичным. Законченный интриган и провокатор многих усобиц, он никак не был похож на радетеля о благе Русской земли. Если только это не пересекалось с его личными интересами. Роман был типичным хищником-феодалом, не лучше и не хуже своих собратьев по княжескому ремеслу. Но при этом был более умен, хитер и подл, благодаря чему сумел объединить под одной рукой Галич и Волынь, избежав при этом конфликта с соседями. Поэтому сравнение Романа с Владимиром Мономахом, сделанное автором Галицко-Волынской летописи, представляется некорректным.

Впрочем, в рассказе Татищева есть и чисто технические погрешности. На них обратил внимание А. Горовенко, отметивший при сравнении первой и второй редакций «Истории Российской» ряд несуразностей. Вывод, к которому приходит исследователь, вполне закономерен: *«Судьба распорядилась так, что из шести оригинальных татищевских известий о Романи Мстиславиче наиболее популярным в отечественной историографии оказалось именно известие о несостоявшейся политической реформе („Романово предложение“). Скептически настроенный в отношении „татищевских известий“ Карамзин в данном случае от полемики уклонился. В дальнейшем сыграл свою роль авторитет крупнейшего русского историка XIX в. С. М. Соловьева, в глазах которого Роман, находившийся „в беспрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами“, был очень подходящей кандидатурой на роль проводника новых, родившихся на Западе политических идей. В подкрепление своего взгляда Соловьев дал ссылку на Татищева, этому примеру начали следовать другие, и с тех пор конца в длинной цепи заимствований не видно. Едва ли не единственным скептиком оказался Грушевский, который уже в самом раннем своем сочинении (1891 г.) высказался по поводу „Романова предложения“ вполне уверенно: „Этот проект принадлежит, конечно, XVIII, а не XIII в.“. Сравнительно недавно, в 1997 г., опубликовано было пространное исследование, автор которого убедительнейшим образом доказал*

апокрифичность известия о „Романовом предложении“. Однако занимательный и будоражающий воображение татищевский рассказ не утратил приверженцев»¹¹. Поэтому рассказ В. Н. Татищева о Романа Галицком как о несостоявшемся реформаторе и великом радетеле за мир на Руси всерьез воспринимать не будем.

То же самое можно сказать и о знаменитом сюжете, связанном с прибытием в Галич послов от папы римского. Дело в том, что этот визит Татищев связывает с походом Романа в Польшу в 1204 году. Но в русских летописях об этом походе информация отсутствует, так же как и о разговоре Романа с папскими легатами. Зато Василий Никитич описал это событие ярко и красочно: *«Папа римский, слыша, что Роман всю Русь под свою власть покорил, венгров победил и полякам, великое разорение учинив, страшен стал, послал к нему посла своего склонять, чтоб принял веру папежскую, учинив ему многие обещания королем русским его сделать и обещанные от поляков города ему отдать. Роман имел с ними о том разговор, обличая папежские неправости от писания святого и истории. Но те без стыда того только требовали ласкательными представлении. Один из послов, имея с Романом разговор, прославлял власть и силу папежскую и что он может Романа богатым, сильным и честным мечом Петровым учинить. Роман, меч свой вынув, показал послу и спросил: „Такой ли меч Петров у папы? Если имеет такой, то может города брать и другим давать, но против закона Божия, потому что Петру такой меч иметь и воевать запретил Господь. А я имею мой, от Бога данный, и пока есть при бедре моем, не имею нужды иначе покупать, только кровию, как отцы наши и деды расширили и умножили землю Русскую“»* (с. 609–610).

На мой взгляд, здесь все свалено в кучу. И борьба Руси в середине XIII в. с западной агрессией, и посольство Ватикана к Александру Невскому, и переговоры Даниила Галицкого с римским папой Иннокентием IV. Во время княжения Романа противоречия между Русью и Западом еще не настолько обострились, чтобы данная сцена имела место. Скорее всего, данное свидетельство Василий Никитич сочинил задним числом, так же как и поход Романа на поляков в 1204 году.

В жизни Романа Мстиславича было много загадок, и одна из них связана с тем, кем была его вторая жена и откуда она родом. В Галицко-Волынской летописи об этом не упоминается, там она названа просто *«Романовой княгиней»*. В. Н. Татищев в «Примечаниях» осторожно намекает, что она могла быть сестрой венгерского короля Андраша: *«О браке Романа с королевною венгерскою, родною сестрою Коломана или Андрея, нигде не находится. И хотя сие в одном Голицынском, где дела Червонной Руси обстоятельно писаны, но довольно после во всех показывается помощь детям Романовым от венгерского. Но чтоб он на сестре Андрея, короля венгерского, женат был, в венгерской истории не написано, однако потому, что король венгерский Андрей сильно Данилу, сыну Романову, помогал, довольно есть причины верить, что ближнее свойство между ними было»* (с. 626). Н. Ф. Котляр полагал, что она вышла из среды волынского боярства и была сестрой знаменитого воеводы Даниила Галицкого Мирослава. Так же существует версия византийского происхождения княгини. Но все это не более чем гипотезы, поскольку какого-либо документального подтверждения хотя бы одной из них в природе не существует. С уверенностью можно говорить лишь о том, что вторую жену Романа звали Анна. Примечательно, что летописец ее по имени ни разу не называет, а именует *«Романовой княгиней»*. И лишь рассказывая о деятельности внука Романа, волынского князя Мстислава, ученый книжник делает следующую запись: *«Вложил Бог в сердце князя Мстислава благую мысль, и создал он каменную часовню над могилой своей бабушки княгини Романовой в монастыре святого. Освятил он ее в честь праведных Иоакима и Анны и отслужил в ней службу»*. Возведена часовня была 1291 году.

¹¹ Горovenko А. Меч Романа Галицкого. С. 275.

* * *

Избавившись от Рюрика и установив неплохие отношения с Всеволодом Большое Гнездо, Роман развязал себе руки во внешней политике. Взор князя обратился на Польшу. Причем развязал Роман войну не против польского князя Владислава Ласконога, сына и наследника Мешко III, а против своего давнего союзника и родственника Лешка Белого. В чем причина такого, странного на первый взгляд, поведения Романа? Говорить об этом можно только предположительно. Обратимся к письменным источникам. Прежде всего обратим внимание на документ, известный как «Хроника» монаха Альберика из аббатства Труа-Фонтен. Под 1205 годом цистерцианец сообщает следующую информацию: *«Король Руси, по имени Роман, оставивший пределы свои и желавший пройти через Польшу в Саксонию, и желавший как мнимый христианин разрушить церкви, был за рекой Вислой по промыслу Божию ранен и убит двумя братьями, князьями Польши Лешко и Конрадом, и все, кто присоединился к нему, были или рассеяны, или убиты»*¹².

Я не являюсь сторонником различных глобальных «теорий» и «открытий» и не собираюсь доказывать, что галицкий князь хотел вмешаться в борьбу между Вельфами и Штауфенами на просторах Священной Римской империи. Эта версия просто не выдерживает даже малейшей критики. Потому что перед тем, как активно нести ее в массы, надо задаться простым вопросом: зачем это было нужно Роману? Вы можете перелопатить горы письменных источников, но ответа на этот вопрос не найдете. Потому что Роману Мстиславичу это было не нужно, и ни в какую Саксонию он идти не собирался. Князь был реалистом и смотрел на все с позиции личной выгоды. Земли в Центральной Европе ему были не нужны, у него и так своих территорий хватало, а воевать за деньги тоже не имело смысла, поскольку князь был не бедным человеком. Да и личность автора, сообщившего сведения о походе в Саксонию, вызывает определенные сомнения. Кому, как не французскому монаху, знать планы русского князя! Скорее всего, достопочтенный Альберик либо воспользовался непроверенной информацией, либо сам не разобрался, что к чему. И в результате пошла гулять по свету байка о том, как Роман Галицкий вмешивался во внутренние дела Священной Римской империи.

Но если мы обратимся к польским и русским источникам, то увидим вполне конкретную причину, побудившую Романа начать войну с Лешком Белым. Называлась она Люблин. Возможно, Роман решил, что убытки и потери, понесенные им в битве при Мозгаве, так и не были достойно компенсированы его краковскими родственниками. То, что ему помогли утвердиться в Галиче, князь в зачет не принимал. Прикинув, что к чему, Роман снарядил в Краков посольство. Вот что сообщает по этому поводу Ян Длугош: *«Он ведь требовал и настаивал возместить ему убытки и затраты, понесенные в сражении в Суходоле против Мечислава Старого, <передать, уступить и отписать ему в вечное владение весь Люблинский край>; ему ответили, что как беглец и дезертир он ничего не заслужил»* (с. 346). Похожую информацию приводит и Густынская летопись: *«Роман Мстиславич Галицкий, ища вины на Ляхов, посла со гордостью до Лешка Белого, князя Полского, да ему дать волость во своей державе за труды, яже подъять, помагая ему на Мечислава Старого, стрия его. Лешко же отвеца ему, яко же достоин еси мзды, понеже бежал еси от брани»* (т. 40, с. 110). Летописец прямо пишет о том, что за поддержку двоюродных братьев в конфликте с Мешко Роман запросил польские земли. И получил отказ. После чего следует рассказ, как войско Романа осадило Люблин. Поэтому можно говорить о том, что этот город стал объектом вожделения Романа Мстиславича.

¹² Горovenko А. Меч Романа Галицкого. С. 102.

А. В. Горovenko обратил внимание на то, что именно Люблин в дальнейшем будет объектом экспансии галицких и волынских князей на польских землях. Потомкам Романа в городе словно медом намажут, и они будут ходить на Люблин походами с завидной регулярностью. Дело отца продолжит сын: *«Даниил и его брат Василько, начав войну с Болеславом, князем ляшским, вошли в Ляшскую землю четырьмя дорогами: сам Даниил воевал около Люблина»* (Галицко-Волынская летопись). Затем внук и правнук будут добывать этот город: *«Кто воевода этой рати?» Они сказали: «Князь Юрий Львович. Хочет он добыть себе Люблин и земли люблинские»* (Галицко-Волынская летопись). Поэтому не исключено, что именно претензии Романа привели к тому, что его потомки стали смотреть на Люблин как свою собственность, которая по какому-то недоразумению находится в чужих руках. И постарались в меру своих сил эту несправедливость исправить. Но это – только предположение, и не более.

Возникает закономерный вопрос: почему именно в это время Роман вспомнил о своих убытках и предъявил претензии двоюродному брату? Ответ прост: Роман ощутил себя достаточно сильным, чтобы это сделать, а родственник ему Лешек или нет, то дело десятое. Галицкий князь был человеком беспринципным, и единственное право, какое он уважал, было право сильного. Роман успешно добил Рюрика и теперь принялся за другого родича.

В мае 1205 года русские полки вторглись в Польшу. Как следует из текста Лаврентьевской и Никоновской летописей, Роману Мстиславичу удалось захватить два города, но каких именно, в источниках не указано. Густынская летопись вносит существенное дополнение, поскольку в ней говорится о том, что после этого Роман продолжил кампанию, осадил Люблин и целый месяц простоял под городом (т. 40, с. 110). Узнав о том, что против него выступил из Кракова Лешек Белый с братом Конрадом, Роман снял осаду Люблина и выступил им навстречу. Двигаясь на юго-запад, князь переправился через Вислу и расположился лагерем около городка Завихост. Данная информация подтверждается Яном Длугошем, так же он рассказывает о том, что поскольку от летнего зноя река обмелела, то часть своих войск Роман перевел через найденные броды. Так же ратников частично переправили на лодках и кораблях. Польский хронист пишет о посольстве к Роману краковского епископа Фулькона и плоцкого епископа Вита. Фулькон был давним знакомцем Романа, именно он уговаривал князя после битвы при Мозгаве продолжить борьбу с Мешко. Теперь же епископу предстояло вести с Романом переговоры о мире. Галицкий князь пообещал прекратить боевые действия, но как только посланцы уехали к Казимировичам, продолжил движение в сторону Кракова. Принципиальный момент – все это происходило ДО переправы через Вислу. Поэтому вопрос о том, почему Роман топтался у Завихоста, повисает в воздухе.

Действительно, если посмотреть на карту, то мы увидим, что Завихост находится прямо на дороге из Люблина в Краков. Но здесь непонятен один момент: зачем тогда Роман переправил войско через Вислу, если гораздо удобнее было встретить противника на переправе? Ответа на этот вопрос нет. С другой стороны, если бы Роман хотел как можно быстрее разбить врага, то он продолжил бы движение вперед. Но в Лаврентьевской летописи и Никоновском летописном своде четко прописано, что русские полки стояли на берегу Вислы.

Тогда получается, что после форсирования водной преграды князь хотел идти навстречу своим двоюродным братьям и решить дело битвой, но что-то произошло, и он остался у Завихоста. Поэтому вернемся к польскому посольству. Можно пойти от обратного и предположить, что не русский князь ввел поляков в заблуждение своими мирными инициативами, а наоборот, польские уполномоченные сознательно обманывали Романа Мстиславича, чтобы выиграть время. Русские полки остановились у Завихоста, ожидая возвращения польской делегации, но вместо переговорщиков прибыла польская армия. И здесь мы подходим к самому принципиальному моменту всей кампании.

Для начала ознакомимся с информацией Яна Длугоша: *«Князю его разведчики то и дело доносят о приближении поляков. Хотя он смеялся над этими донесениями, слова разведчиков подтверждают воины, которых он отправил в дозоры. И несмотря на то, что Роман не поверил и им, утверждая, что поляки ни в коем случае не станут с ним биться»* (с. 347). Откуда у Романа Мстиславича такая уверенность, что битвы не будет? Галицкий князь был ратоборец очень опытный, причем не только побеждал врагов, но и сам был бит. Он прекрасно знает, как может быть велика на войне цена одной-единственной ошибки. Единственным внятным объяснением может быть только одно: Фулькон дал князю некие гарантии, что Лешек и Конрад примут его условия и не будут сражаться с русскими. Отсюда и самоуверенность Романа. Но, как показали дальнейшие события, князь жестоко ошибся.

На это конкретно указывает Никоновский летописный свод, где прямо говорится, что галицкий князь *«оплошился»*. В чем заключалась оплошность Романа Мстиславича? В том, что он с малой дружиной отъехал от расположения главных сил и попал в засаду. И был убит. Об этом прописано в Лаврентьевской летописи и Никоновском летописном своде. Информация Яна Длугоша о том, что Роман совершенно игнорировал сообщения дозорных и дальней разведки о передвижениях польских войск, соответствует действительности. Таким образом, галицкий князь грубейшим образом нарушил заветы своего великого предка Владимира Мономаха. А говорил Владимир Всеволодович следующее: *«Выходя на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; не предавайтесь ни питью, ни еде, ни сну, сами наряжайте стражей, и ночью, нарядив их со всех сторон, ложитесь около воинов и рано вставайте. А оружия снимать с себя не спешите, ибо не оглядевшись, из-за лености, внезапно человек погибает»* (Лаврентьевская летопись, с. 227). Мы никогда не узнаем, почему Роман так поступил и куда он поехал, версия Татищева о том, что он решил поохотиться с собаками в окрестных лесах, явно не состоятельна¹³. Ни один военачальник в здравом уме не будет себя так вести на вражеских землях. А Роман не был глупцом, другое дело, что он вел себя безответственно, выдавая желаемое за действительное, игнорируя донесения разведки. Расплата наступила быстро.

...Князь Роман в окружении дружинников ехал через лес по направлению к лагерю. Отряд растянулся по лесной дороге, гридни весело смеялись и балагурили друг с другом, перемывая косточки польским воеводам. Выехав на открытое место, дружинники теснее сбили ряды и продолжили путь. Неожиданно из-за темнеющих вдаль деревьев стали выезжать всадники. Их было очень много. Князь сдвинул на затылок шапку, прикрыл ладонью глаза от палящих лучей солнца и стал вглядываться вдаль. И чем ближе подъезжали неизвестные наездники, тем тревожнее становилось у Романа на душе. А когда он понял, что это поляки, то спастись бегством было уже поздно, потому что ляхи пришпорили коней, опустили копыта и устремились в атаку. Осознав, что иного выхода, кроме как сражаться, нет, Роман отправил гонца в лагерь за помощью и громким голосом стал созывать дружину. Гридни сгрудились вокруг князя и обнажили мечи. Роман Мстиславич приказал развернуть стяг, взмахнул клинком и бросился на врага.

Бой был лютым и скоротечным. Дружинники бились зло и умело, однако поляки брали числом, нападая со всех сторон на небольшой русский отряд. Роман пластал мечом ляхов направо и налево, но враги хорошо знали, кто перед ними, и старались любой ценой достать князя. Без щита и доспехов ему было трудно отбиваться от наседавших врагов. Под Романом Мстиславичем убили коня, но князь успел вырвать ногу из стремени и соскочить на землю. Телохранитель подвел ему нового скакуна, и Роман вновь оказался в седле. Но поляки продолжали напирать, дружинники гибли один за другим, и вскоре от всего отряда осталась

¹³ Рассказ Яна Длугоша о битве при Завихосте не стоит воспринимать всерьез. Чтобы потешить непомерное панское самолюбие, он, обладая талантливым пером, заурядную стычку превратил в полномасштабное и эпическое сражение.

лишь горстка личных телохранителей Романа Мстиславича. Он схватился на мечях с польским рыцарем, и в этот момент налетевший сбоку лях пронзил князя копьем. Роман свалился с коня и был добит на земле.

Узнав о нападении на княжеский отряд, из боевого стана русских на помощь поспешили пешие и конные воины. Однако было уже поздно. Забрав тело своего князя и похоронив павших в бою дружинников, ратники вернулись в лагерь. Посовещавшись, воеводы приняли решение возвращаться на Русь, информации о том, что поляки преследовали отступающее войско, в летописях нет. В Галиче Романа похоронили в Успенском соборе, а затем боярство, купечество, дружинники и простые горожане целовали крест на верность его сыну Даниилу. Новому князю в этот момент было всего четыре года.

Над Юго-Западной Русью повисла тревожная тишина, но вскоре она взорвалась лязгом мечей, свистом стрел и грохотом копыт идущей в атаку конницы. Началось время смут и усобиц.

2. Крестоносцы (1201–1202 гг.)

Просто ради дела Христова и только для проповеди прибыл он в Ливонию.

Генрих Латвийский

Большое зло очень часто начинается с малой ошибки, и данная история не стала исключением. В конце XII века объявился в Ливонии некий католический священник Мейнард из ордена Блаженного Августина. Служитель церкви был полон решимости нести слово Божие язычникам ливам, однако проблема заключалась в том, что эти племена находились в зависимости от Полоцка и платили ему дань. Мейнард обратился к полоцкому князю Владимиру за разрешением проповедовать истинную веру и получил его. Что и было засвидетельствовано в «Хронике Генриха Латвийского»: *«Получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира (Woldemaro de Ploceke), которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил Божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе (Ykeskola)¹⁴»* (стр. 71). Казалось бы, какая безделица, и стоит ли на нее вообще обращать внимание, но именно это разрешение полоцкого князя привело к тому, что началось многовековое противостояние Руси и крестоносцев.

В 1185 году в поселении Икескола проповедник распорядился возвести укрепление, для чего привезли каменотесов с острова Готланд, а на следующий год там была построена каменная церковь. Одновременно был возведен и замок Гольм. Крещение местного населения шло у Мейнарда с переменным успехом. Ливы то периодически расхищали его имущество, а людей избивали, то убегали в леса от неистового проповедника. И, тем не менее, за свои неустанные труды на благо католической церкви Мейнард был посвящен в епископы. А вскоре у него появился и верный последователь, монах-цистерцианец Теодорих из Турайды. Процесс крещения язычников продолжился, но шел очень медленно, и тогда *«кое-кто из тевтонов, датчан, норманнов и других обещали, если будет нужно, привести войско»* (Генрих Латвийский, с. 74). Призвав на помощь шведов, епископ все же сделал один набег на земли непокорных ливов, однако шведский военачальник вместо того, чтобы крестить язычников, взял с них дань и уплыл домой. Епископ возмущен, швед доволен.

В 1196 году Мейнард умер и его преемником стал аббат Бертольд. Однако у него не было того авторитета, как у его предшественника, и скоро дело дошло до вооруженных столкновений с ливами. Во время одной из стычек Бертольд был убит. Снова встал вопрос о преемнике. Было очевидно, что в сложившейся ситуации в Ливонии требуется не подвижник, а человек храбрый, умный, жестокий и решительный. И вскоре такой кандидат был найден. Это был бременский каноник Альберт Буксгевден, который в 1198 году был посвящен в епископы. В 1199 году он занялся набором войск для крестового похода против ливов. То, чем раньше занимались в Ливонии Мейнард и Бертольд, казалось теперь сущей мелочью.

Серьезные дела начались в 1200 году, когда в устье Западной Двины высадились германские крестоносцы во главе с епископом Альбертом. В следующем году они основали город Ригу, которая стала немецким плацдармом для завоевания Прибалтики. В 1202 году, для увеличения боевого потенциала немецких переселенцев и колонистов, при прямом покровительстве Альберта был основан Орден Братьев Христова рыцарства, или, как его еще называли, Орден меченосцев. Название «меченосцы» произошло от эмблемы ордена, на которой был изображен под красным крестом вертикально стоящий меч. Рыцари носили ее на белых плащах, она же красовалась и на их щитах. Основателем Ордена был Теодорих из

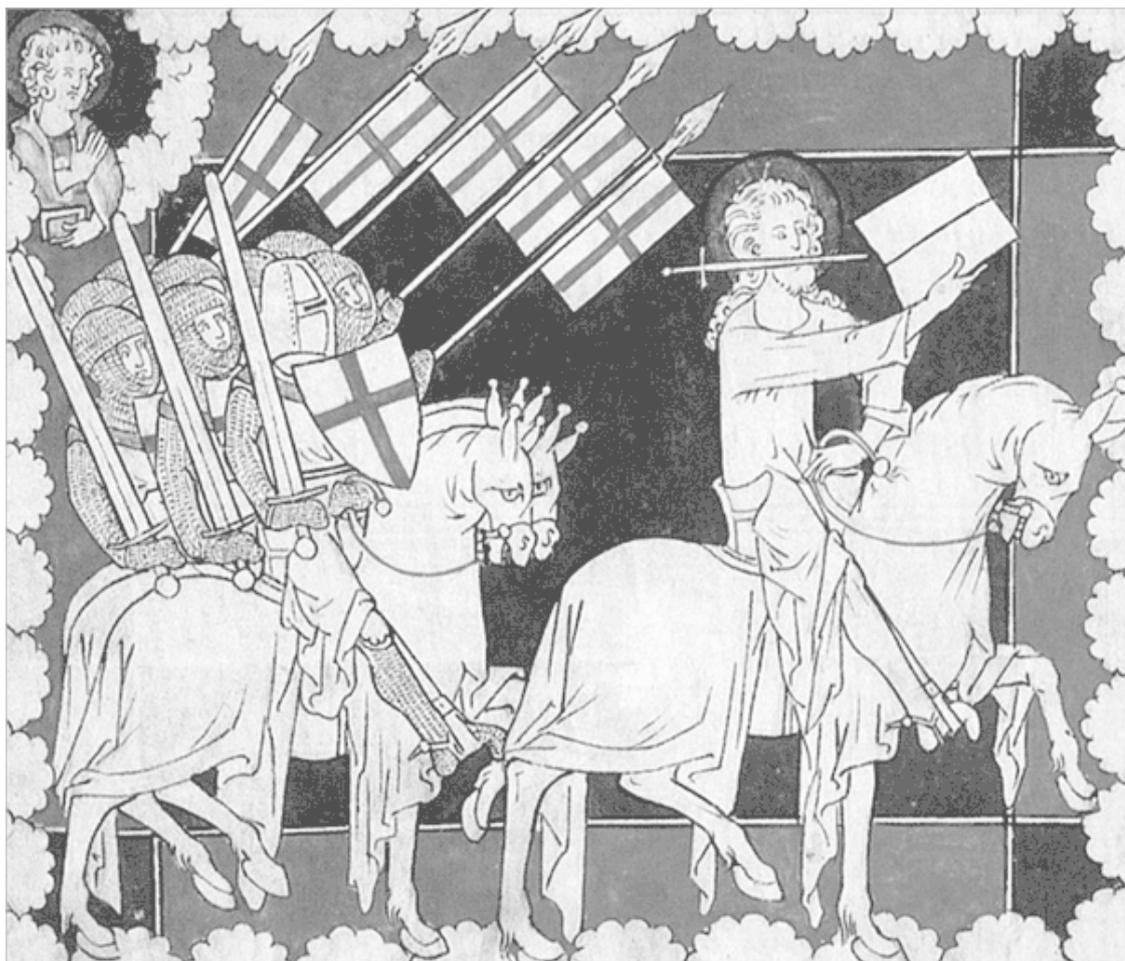
¹⁴ Здесь и далее Генрих Латвийский по изданию: Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. М.—Л.: АН СССР, 1938.

Турайды, первый заместитель епископа. В 1202 году он становится настоятелем цистерцианского монастыря в крепости Дюнамюнде, построенной в устье Западной Двины и защищавшей Ригу со стороны моря.

Новый рыцарский орден до поры до времени подчинялся непосредственно рижскому епископу. Меченосцы получили от Папы Римского устав тамплиеров, а первым их магистром стал Винно фон Рорбах: *«В это же время брат Теодорих, предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения церкви среди неверных учредил некое братство рыцарей христовых, которому господин папа Иннокентий дал устав храмовников и знак для ношения на одежде – меч и крест, велел быть в подчинении своему епископу»* (Генрих Латвийский, с. 82). В 1207 году была достигнута принципиальная договоренность между епископом Рижским и руководством ордена о том, что из захваченных земель 1/3 остаются под властью братьев-рыцарей, а остальные отходят епископам Рижскому, Дерптскому и Эзельскому. Уже само это положение подразумевало, что без дела меченосцы сидеть не будут, а понесут слово Божие всем окрестным племенам и народам. В те места, куда смогут дотянуться длинные руки католических прелатов.

Боевая организация нового ордена ничем существенным не отличалась от той, которая была принята в военно-монашеских организациях тамплиеров, госпитальеров и тевтонцев. Главной ударной силой меченосцев была тяжелая конница, костяк которой составляли братья-рыцари. Защитное снаряжение рыцаря было традиционным: длинная кольчужная рубаха с капюшоном, кольчужные чулки с металлическими наколенниками и горшковидный шлем, украшенный фигурами представителей животного мира. Вооружение, как того требовал устав, было без украшений, прочным и удобным. Состояло оно из пики, длинного меча, кинжала, булавы или боевого топора. Поверх доспехов надевалась белая мантия с эмблемой ордена, а завершал снаряжение рыцаря треугольный щит. В распоряжении меченосца было также три лошади: одна – для боя, а остальные – для перевозки снаряжения. Рыцаря сопровождали двое оруженосцев.

Помимо собственно братьев-рыцарей, под знаменем ордена сражались и служащие братья. Это были выходцы из незнатных слоев населения, которые в силу своего происхождения не могли занимать высокие командные должности. Хотя они так же принимали монашеские обеты и имели те же права, что и рыцари. Оружие и снаряжение служащих братьев ничем не отличались от рыцарского, хотя одежда и была более скромной, коричневого или серого цвета, с нашитой эмблемой ордена. Сражаться они могли как в пешем строю, так и в конном, используя те же тактические приемы, что и их благородные собратья, поскольку выучка была практически одинакова. И еще один немаловажный момент: в качестве служащих братьев на стороне ордена воевали немало арбалетчиков и лучников, роль которых особенно возрастала во время обороны и штурма городов и замков. Мастерство стрелков ценилось необычайно высоко, поскольку требовало длительной подготовки и обучения. Не случайно командованию ордена иногда приходилось нанимать за плату целые отряды лучников и арбалетчиков.

Армия крестоносцев
Миниатюра XIII века

Пешее войско под знамена крестоносцев выставляли племена, проживающие на землях, покоренных католиками. Так же в пехоте служили выходцы из городских низов и представители деревенской бедноты Германии, откликнувшиеся на призыв борьбы с язычниками. В поисках лучшей доли эти люди по морю и по суше отправлялись в Ливонию, где предлагали свои услуги меченосцам и военачальникам епископа. Вооружение таких воинов было достаточно пестрым и разнообразным, в орден они не вступали и монашества не принимали.

Начиная с 1202 года, используя такой инструмент, как Орден меченосцев, епископ Альберт развил очень бурную деятельность по обращению ливонских племен в католическую веру. Шло расширение территорий Рижского епископства, что в конечном итоге привело к тому, что, в 1205 году крестоносцы появились на границах Полоцкого княжества.

* * *

Первыми, кто столкнулся на Руси с германскими крестоносцами, были полоцкие князья. Не Псков и Новгород, а именно Полоцк оказался первой жертвой крестоносной агрессии. Эта страница нашей истории не является достаточно известной, и поэтому на ней стоит остановиться более подробно.

Понаблюдав за действиями крестоносцев, полоцкий князь Владимир, когда-то давший Мейнгарду разрешение на проповедь в землях ливов, пришел к выводу, что теперь «божьи

дворяне» представляют для него опасность. Немцы действовали на зависимых от Полоцка землях, и этот факт не мог не тревожить Владимира. Вполне возможно, что начались перебои с данью, которую ему раньше выплачивали местные племена. Поэтому в 1203 году он решил всем напомнить, кто в Ливонии хозяин, и во главе дружины выступил в поход против ливов. Своей главной целью он выбрал замки Икесколы и Гольм.

Русские неожиданно появились под стенами Икесколы и взяли крепость в осаду. Бывшие в крепости ливы растерялись совершенно, и, не имея возможности оказать сопротивление, откупились от князя деньгами. И здесь Владимир совершил первую ошибку: вместо того, чтобы занять замок и оставить там гарнизон, укрепив таким образом порубежье с крестоносцами, он повел войска на Гольм. Князя обуяла жажда стяжательства: кроме денег, он и слышать ни о чем не хотел. Примечательно, что в 1205 году братья-рыцари будут действовать совсем иначе и просто захватят замок.

Епископ Альберт, узнав о набеге, быстро сориентировался в ситуации и отправил в Гольм отряд орденских арбалетчиков. Не перепуганные ливы, а профессиональные воины расположились по периметру стен, и когда полоцкая дружина подошла к замку, германские стрелки открыли по ней стрельбу. Один за другим падали на землю подстреленные кони, боевой порядок русских нарушился, ряды смешались, и князь приказал уходить прочь от крепости. Арбалетчики проявили высочайшее мастерство, поскольку били исключительно по коням, не желая убивать гридней Владимира: *«они переранили у него множество коней и обратили в бегство русских, не решившихся под обстрелом переправиться через Двину»* (Генрих Латвийский, с. 85). Рижскому епископу не был нужен военный конфликт с Полоцком, и, скорее всего, арбалетчики действовали в соответствии с его инструкциями. Что же касается Владимира, то вряд ли данное предприятие можно занести ему в актив.

Одновременно крестоносцы подверглись атаке со стороны князя Всеволода, правившего в княжестве Герцике (Ерсика). Герцике был столицей русского удельного княжества в долине Западной Двины, а его князь находился в вассальной зависимости от Полоцка. И хотя от крестоносцев земли Герцике прикрывало Кукейносское княжество, тем не менее, Всеволод тоже решил внести свою скромную лепту в борьбу с католиками. О том, что его вклад в сопротивление германской агрессии в данный момент оказался невелик, нам сообщил Генрих Латвийский: *«Король Герцике (Gercike), подойдя к Риге с литовцами, угнал скот горожан, бывший на пастбищах, захватил двух священников, Иоанна из Вехты и Вольхарда из Гарпштедта (Harpenstede), рубивших с пилигримами лес у Древней Горы, а Теодориха Брудегама, погнавшего за ним с горожанами, убил»* (с. 85). Как видим, у западнорусских князей желание побороться с крестоносцами постоянно вступало в противоречие с материальными интересами. Владимир Полоцкий позарился на деньги ливов из Икесколы и провалил удачно начавшуюся операцию по захвату замка, а Всеволод просто решил увеличить поголовье рогатого скота на своих землях. Таким образом, своими действиями князь никаких стратегических задач не решили, зато вызвали немалое раздражение в Риге.

Но был еще один человек, которому в противостоянии между Русью и католиками в Прибалтике суждено было сыграть едва ли не решающую роль. Это был князь Вячеслав Борисович, или, как его еще называли, Вячко. Происходил он из династии полоцких князей, а уделом его было Кукейносское княжество. Город Кукейнос (русское название Куконос) стоял на правом берегу Западной Двины, в том месте, где в нее впадает речка Кокна. Жил Вячко так, как и положено было удельному князю, – собирал дани и оброки с подвластных земель, творил суд и расправу над подданными, а когда случался набег, рубился в порубежных схватках с литовцами. Будучи человеком православным, ходил по праздникам и воскресеньям в церковь, где творил молитвы и грехи замаливал, а когда наступало время отдохнуть от дел государственных, то проводил время на охоте или на веселом пиру с дружиной верной. Словом, жил так, как и десятки других таких же мелких князей того времени, ничем из

их массы не выделяясь. И даже не подозревал о том, что скоро этой спокойной и размеренной жизни придет конец, а его имя навсегда войдет в историю.

Живя на самой границе с крестоносцами, Вячко внимательно наблюдал за тем, как не по дням, а по часам растет их могущество. И что самое главное, он был бессилён в одиночку что-либо здесь изменить. Князь не мог противостоять этой напасти, как не мог помешать и росту немецкого влияния в регионе, который раньше находился в сфере влияния Полоцкого княжества. Ресурсы Кукейноса были ничтожно малы, а князь Владимир, у которого был неплохой шанс вмешаться в развитие событий и остановить немецкую экспансию в самом ее начале, проявил удивительную политическую близорукость и беспечность, чем епископ Алберт и воспользовался на все сто процентов.

По достоинству оценив поход Владимира против Икесколы и Гольма и понимая, что с этого момента он предоставлен сам себе, Вячко решил действовать самостоятельно. На помощь сюзерена из Полоцка он уже не рассчитывал, и поэтому в 1205 году отправился в Ригу: *«Когда король Вячко из Кукейноса услышал, что пришли таким большим отрядом латинские пилигримы и поселились по соседству всего в трех милях от него, он, добыв через гонца пропуск от епископа, отправился к нему на корабле вниз по реке. После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир, который, впрочем, недолго продолжался. По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе»* (Генрих Латвийский, стр. 92).

Радость князя понять было можно. Присутствие столь напористого и агрессивного соседа, как орден меченосцев, вселяло в него тревогу, поскольку в случае большого конфликта с католиками он не надеялся на чью-либо помощь. Теперь же аппетиты рыцарей сдерживались договором с Альбертом, и это пока Вячко устраивало. С другой стороны, князь очень внимательно присматривался к тому, что же собственно происходит на землях соседа. И то, что он там увидел, произвело впечатление на Вячко.

Дело в том, что крестоносцы старались не допускать нападений на подвластные им племена ливов и всегда выступали на защиту своих подданных. Набеги литовцев и эстов на свои земли братья-рыцари пресекали самым жесточайшим образом. Ответные карательные походы не заставляли себя долго ждать, а потому местное население вскоре стало смотреть на немцев как на своих защитников. Было о чем подумать князю Кукейноса. Натиск литовцев на его владения становился с каждым годом все сильнее, а позиции Полоцка в регионе слабели день ото дня. И если так пойдет дальше, то недалек тот день, когда Кукейнос со всех сторон будет окружен врагами и раздавлен. Без могущественного союзника было не обойтись. Поэтому взор Вячко и обратился в сторону Риги, сам ход событий подсказывал такое решение. Дело оставалось за малым – дожидаться епископа Альберта, который отбыл в Германию набирать новых крестоносцев, и при личной встрече прозондировать почву насчет дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества.

Здесь на политической арене снова возник Владимир Полоцкий. Рижский епископ решил, что необходимо все же как-то урегулировать отношения с соседом во избежание дальнейших инцидентов, и отправил в Полоцк посольство. Но, помимо посольских функций, люди епископа должны были осмотреться в Полоцке и попытаться разузнать о дальнейших намерениях князя. Аббат Теодорих, на которого были возложены эти функции, отправился ко двору Владимира. Однако посольство изначально не задалось, поскольку по пути в Полоцк на аббата и его спутников напали литовцы и ограбили. Забрали и боевого коня с комплектом вооружения, которого епископ Альберт передал в дар русскому князю.

Когда Теодорих появился в Полоцке, то, к своему удивлению, он обнаружил там посланцев ливов, которые были присланы племенными старейшинами для того, чтобы *«склонить короля к изгнанию тевтонов из Ливонии»* (Генрих Латвийский, с. 94). Мало того, полоцкий князь уже принял решение воевать с орденом и распорядился готовить суда и

вязать плоты, чтобы по течению Западной Двины быстро сплавить свои войска до Риги. Однако Теодориху о дальнейших планах князя пока ничего не было известно. Но тут Владимир поступил очень неразумно. Назначив послам епископа аудиенцию, он не придумал ничего умнее, как пригласить на нее и ливов. Что он хотел этим показать, сказать трудно, возможно, просто хотел нагнать на германцев страху. Однако добился прямо противоположного результата.

Во время переговоров произошел скандал, инициаторами которого выступили именно посланцы ливов. Люди епископа сказали, что *«пришли ради мира и дружбы, а в это время ливы наоборот заявили, что тевтоны и не хотят и не соблюдают мира. Речь их полна была проклятий и желчи, а короля они больше подстрекали начать войну, чем заключить мир»* (Генрих Латвийский, с. 95). Только теперь до Владимира дошло, какую же глупость он совершил, сведя под одной крышей ливов и германцев, и не желая, чтобы его намерения относительно войны стали очевидны, поспешно выпроводил Теодориха. Аббату было велено сидеть на подворье и ждать следующего вызова к князю. Однако Теодорих почуял неладное. Он подкупил одного из княжеских приближенных (возможно деньги на это были переданы из Риги), который и выложил немцу все планы Владимира. К епископу помчался тайный гонец, известивший Альберта о грядущей опасности. В результате многие крестовосцы, которые уже были готовы вернуться в Германию, остались в Риге. Примечательно, что вместе с ними хотел уехать по делам и епископ, но ввиду серьезности положения был вынужден остаться. Уникальный шанс выбить «Божьих дворян» из Ливонии был упущен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.